

ЭДУАРД СЕРОУСОВ

ШОВ МЕЖДУ
МИРАМИ

Эдуард Сероусов

Шов между мирами

«Автор»

2026

Сероусов Э.

Шов между мирами / Э. Сероусов — «Автор», 2026

XXIV век. Галактика умирает. Прорехи — разрывы в ткани реальности — пожирают звёздные системы одну за другой. Триллионы людей живут в страхе, зная: через сто лет не останется ничего. Нира Кессель — Ткачиха, способная латать разрывы ценой собственных воспоминаний. Но её дар скрывает тайну: она связана с чем-то по ту сторону реальности. С голосом семилетней девочки из вселенной, которая уже схлопнулась. Когда два человека предлагают ей спасти мир — один через абсолютный контроль, другой через абсолютную пустоту — Нира должна найти третий путь. Путь, который потребует от неё всего. Роман о цене выбора, природе сознания и любви, которая сильнее физики. Все иллюстрации сгенерированы в программе Ideogram.

© Сероусов Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I: Нити	5
Глава 1: Рябь	5
Глава 2: Карта	15
Глава 3: Голос	28
Глава 4: Кромка	38
Глава 5: Побег	49
Глава 6: Лианн	58
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Эдуард Сероусов

Шов между мирами

Часть I: Нити

Глава 1: Рябь

Прореха пахла озоном и детством.

Нира почувствовала её раньше, чем увидела – тонкая дрожь в переносице, будто что-то холодное коснулось изнутри черепа. Знакомое ощущение. Восемь лет она училась различать его оттенки: острую пульсацию крупных разрывов, вязкую тягу средних, и вот это – едва уловимый зуд микро-Прорехи размером с кулак.

Станция Узел-17 висела в пустоте между Юпитером и поясом астероидов – перевалочный пункт для грузовых караванов, идущих к внешним колониям. Три тысячи человек постоянного персонала, до пятнадцати тысяч в транзите. Серые коридоры, запах машинного масла, гудение вентиляции – обычная промышленная станция, каких сотни. Ничего особенного.

Кроме дыры в ткани реальности в техническом секторе восемь.

– Ткачиха? – голос техника дрогнул. Мужчина лет сорока, с залысинами и усталыми глазами. Нашивка на комбинезоне: «Вагнер, А. Старший техник». Руки в масле, но сейчас он вытирал их о штанины снова и снова, машинальным жестом человека, которому нужно чем-то занять пальцы. – Нам сказали, будет Ткач. Мы не ожидали... вы молодая.

– Достаточно старая, чтобы залатать вашу дыру.

Нира прошла мимо него, не дожидаясь ответа. Коридор технического сектора уходил вниз под углом – гравитационный градиент станции здесь ощущался отчётливее. Стены покрывала изморозь, хотя системы климат-контроля работали штатно.

Она остановилась у переборки с предупреждающей маркировкой. За ней начиналось.

– Как давно? – спросила она, не оборачиваясь.

– Семнадцать часов. Может, восемнадцать. – Техник шёл следом, держась на расстоянии. Люди всегда держались на расстоянии от работающих Ткачей. Эффект кромки – неприятная штука. – Сначала думали, просто оборудование сбоит. Датчики показывали ерунду. Потом Кравиц пошёл проверить и... – Он замолчал.

– Что с ним?

– В медотсеке. Не ранен. Просто... – Вагнер слотнул. – Он не помнит, как его зовут. Уже три часа. Доктор говорит, это пройдёт. Говорит, это из-за близости к... к этому.

Нира кивнула. Стандартный побочный эффект. Прорехи размывали определённую – не только пространства, но и тех, кто оказывался слишком близко. Кравицу повезло: потеря имени – мелочь. Бывает хуже.

Она положила ладонь на переборку. Металл под пальцами дрожал, и эта дрожь не имела ничего общего с вибрацией механизмов. Реальность здесь истончилась. Ещё немного – и станция начнёт терять когерентность целыми секторами.

– Отойдите на двадцать метров, – сказала Нира. – Дальше по коридору. Не приближайтесь, пока не позову.

– Вам не нужна помощь? Оборудование? У нас есть—

– Мне нужна тишина.

Вагнер отступил. Она слышала его шаги – неуверенные, с паузами. Он хотел что-то сказать. Не сказал. Шаги стихли.

Нира закрыла глаза.

Мир изменился.

Так происходило каждый раз, когда она входила в состояние ткачества – резкий сдвиг восприятия, словно кто-то вывернул реальность наизнанку и показал изнанку. Исчезли стены, пол, потолок. Исчезла станция. Осталась только ткань.

Нити.

Они были повсюду – бесконечная паутина связей, пронизывающая пространство. Не свет, не материя – что-то более фундаментальное. Квантовая запутанность, сплетённая в геометрию существования. Каждая частица связана с другими, каждая связь – узелок в бесконечном полотне. Там, где нити сгущались, материя обретала плотность и форму. Там, где расходились – пространство истончалось.

Нира видела станцию как сгусток ярких узоров: три тысячи человеческих жизней – пульсирующие клубки сложнейшего плетения, машины – более простые, регулярные паттерны, сама структура станции – каркас из стабильных, почти неподвижных нитей.

А в центре технического сектора – рана.

Прореха выглядела как дыра в ткани, но это слово не передавало сути. Там, где нити оборвались, не было пустоты – было отсутствие самой возможности пустоты. Пространство схлопывалось само в себя, закручивалось петлями, не находя опоры. Объекты внутри существовали во всех состояниях одновременно: инструмент на полке был целым и разбитым, там и здесь, падающим и неподвижным.

Размер – с кулак. Восемнадцать часов. Скорость расширения – миллиметр в час. Критическая масса – через двести часов, плюс-минус.

Нира прикинула масштаб работы. Не худший случай. Не лучший.

Она шагнула к Прорехе.

В состоянии ткачества её тело тоже выглядело иначе – не мясо и кости, а узор нитей, пульсирующий в такт сердцу. Она видела свои связи: с родителями на далёком Каллисто, с Орденом, с сотнями людей, которых едва помнила. Связи истончались с расстоянием, но не рвались. Никогда полностью не рвались, пока оба узла существовали.

Но был ещё один пучок нитей – толстый, странный, уходящий куда-то *в сторону* от обычного пространства. Её аномалия. Она старалась не смотреть на него во время работы.

Нира подняла руки – жест был лишним, рефлекс из ранних дней обучения, но он помогал сосредоточиться. Потянулась к краям Прорехи.

Боль пришла сразу.

Латать Прореху – значит наблюдать, но не обычным образом. Квантовые системы коллапсируют под наблюдением, схлопываются в определённые состояния. Ткачи делали то же самое – принуждали хаотические суперпозиции выбрать один вариант, склеивали обрывки нитей, восстанавливали связность.

Но чтобы наблюдать на таком уровне, нужно было отдать часть себя.

Нира почувствовала, как её собственные нити натягиваются, истончаются. Это не метафора – каждый акт ткачества буквально передавал часть её запутанности ткани реальности. Маленькие порции, неощутимые по отдельности. Но они накапливались.

Она потянула край Прорехи.

Реальность сопротивлялась. Хаос не хотел упорядочиваться, суперпозиции не хотели коллапсировать. Нира давила – не силой, а присутствием. Смотрела. Определяла. Принуждала.

Инструмент на полке перестал быть одновременно целым и разбитым. Он стал просто целым.

Кусок пола, существовавший в трёх положениях, выбрал одно.

Нира работала методично, слой за слоем. Край Прорехи отступал, нити срастались. Это было похоже на вышивание – только вместо иглы она использовала себя, а вместо нитки – собственную определённую.

Минуты складывались в часы. Или секунды – время внутри ткачества текло странно.

Когда она добралась до центра, Прореха сжалась до точки. Последний узелок. Самый глубокий слой разрыва.

Здесь требовалось вплетение.

Нира знала, что будет дальше. Знала и ненавидела. Но это была её работа.

Она взяла прядь собственных нитей – тонких, пульсирующих – и вплела в ткань.

Боль изменилась. Из тянущей стала острой, режущей. Что-то внутри неё *убыло*. Не мысли, не воспоминания – само ощущение непрерывности, связности собственного существования. На долю секунды Нира забыла, где заканчивается она и начинается ткань. Границы размылись.

Потом – щелчок. Нити встали на место. Прореха закрылась.

Нира вывалилась из состояния ткачества и обнаружила себя на коленях на холодном полу. Руки дрожали. Во рту – вкус меди, хотя она не прикусила язык.

Стены технического сектора выглядели нормально. Обычный металл, обычная изморозь, обычное гудение вентиляции. Никаких следов разрыва.

Она посмотрела на часы. Сорок три минуты. Не так плохо.

Нира встала, опираясь на стену. Ноги не слушались, но это пройдёт. Всегда проходило.

– Готово, – позвала она. Голос прозвучал хрипло. – Можете возвращаться.

Шаги. Вагнер появился из-за поворота, за ним – ещё двое техников. Они смотрели на неё с тем особенным выражением, которое Нира научилась узнавать: смесь благодарности, страха и отвращения. Люди нуждались в Ткачах. Люди боялись Ткачей. Это никогда не менялось.

– Всё чисто? – спросил Вагнер. Он не приближался.

– Залатано. Проверьте своего Кравица – имя должно вернуться в течение часа.

– Спасибо. – Слово прозвучало почти искренне. – Мы... мы очень благодарны. Если бы не вы—

– Это моя работа.

Нира пошла к выходу, не дожидаясь дальнейших изъяснений благодарности. Спина болела. Голова болела. Всё болело – глухой, разлитой болью, которая останется на несколько дней.

Стандартная плата за стандартную работу.

Но на полпути к шлюзу, где ждал её корабль, Нира остановилась.

Что-то было не так.

Она прислушалась к себе – к тому внутреннему пространству, где хранилась память. Попыталась вспомнить вчерашний день. Получилось. Позавчерашний. Тоже. Прошлый месяц, прошлый год, обучение в Ордене—

Каллисто-7.

Она помнила станцию. Помнила родителей. Помнила Лианн – лучшую подругу, с которой они просиживали часы в обзорном куполе, глядя на Юпитер.

Но было что-то ещё. Деталь, которую она помнила утром. Что-то связанное с матерью. С кухней их жилого модуля. С запахом...

Каким запахом?

Нира закрыла глаза. Сосредоточилась. Попыталась нащупать воспоминание – и нащупала только пустоту. Там, где должно быть что-то, была дыра. Не забывание, не смутность – именно отсутствие. Чёткий край, за которым ничего.

Она потеряла ещё одно.

Нира стояла в коридоре чужой станции, и руки снова дрожали – но уже не от усталости.

Она не знала, что именно забыла. Это было хуже всего. Может, пустяк. Может, что-то важное. Она никогда не узнает.

Восемь лет. Сколько таких дыр уже в её памяти? Десятки? Сотни? Нира пыталась вести записи в первые годы – список воспоминаний, которые хотела сохранить. Потом поняла, что это бессмысленно: как проверить, что ещё помнишь то, что записала, если не помнишь сам момент?

Она сделала глубокий вдох. Потом ещё один.

Функционирование. Это главное. Ты функционируешь. Ты выполняешь работу. Ты нужна.

Этого достаточно.

Челнок Ордена ждал в третьем доке – небольшой корабль без опознавательных знаков, гладкий, чёрный, будто вырезанный из куска пустоты. Внутри – спартанская обстановка: кресло пилота, медицинский модуль, система жизнеобеспечения. Никаких украшений, никакого комфорта. Ткачи не нуждались в украшениях.

Нира села в кресло, пристегнулась. Автопилот уже рассчитал курс к Цитадели – три часа через стабильный канал. Она откинулась назад и закрыла глаза.

И сразу же провалилась туда, куда не хотела.

Ей шестнадцать. Каллисто-7, обзорный купол.

Юпитер занимает половину неба – громадный, невозможный, полосатый бежевым и терракотовым. Большое Красное Пятно медленно поворачивается, и Нира знает: этот вихрь древнее человечества, древнее жизни на Земле, он будет существовать, когда они все станут прахом.

Но она не думает о смерти. Ей шестнадцать, она бессмертна, и рядом – Лианн.

– Смотри, – говорит подруга. – Ио заходит за край.

Жёлтая луна скользит к горизонту Юпитера. Вулканический мир, покрытый серой и лавой. Нира читала про неё: самое вулканически активное тело в Солнечной системе, приливные силы газового гиганта выворачивают её наизнанку.

– Красиво, – говорит Нира. И это правда.

– Ты когда-нибудь хочешь улететь? – спрашивает Лианн. – Туда, к внешним колониям? Или дальше – к звёздам?

Нира думает. Каллисто-7 – единственный дом, который она знает. Серые коридоры, запах машинного масла, голоса родителей за переборкой. Тесно, шумно, привычно.

– Я не знаю, – говорит она честно. – А ты?

Лианн молчит. Потом:

– Иногда мне кажется, что я родилась не в том месте. Что где-то есть мир, где я... правильная. Понимаешь?

Нира не понимает. Но кивает.

– Мы можем полететь вместе, – говорит она. – Когда вырастем. Куда захотим.

Лианн улыбается – той широкой, открытой улыбкой, которую Нира видит только наедине.

– Обещаешь?

– Обещаю.

Потом – сирена.

Сначала Нира думает, что это учебная тревога. Они бывают раз в месяц: эвакуационные протоколы, проверка иллюзов, скучная рутина. Но сирена не умолкает. И голос из интеркома – не записанный, живой – говорит:

«Всему персоналу: разгерметизация сектора семь. Повторяю: разгерметизация сектора семь. Это не учения.»

Сектор семь. Там жилые модули. Там—

— Мама, — говорит Нира.

Она бежит. Коридоры мелькают, люди шарахаются в стороны, кто-то кричит. Нира не слышит. В ушах стучит кровь, и единственная мысль: мама была дома, мама должна быть дома, она обещала приготовить ужин—

У перехода в седьмой сектор — толпа. Аварийные перегородки опущены, экраны мигают красным. Нира протискивается вперёд, пока кто-то не хватает её за плечо.

— Нельзя, — говорит человек в форме спасателя. Лицо бледное, глаза — слишком широкие. — Там пробой. Семь модулей без воздуха.

— Моя мать! — Нира рвётся вперёд. — Модуль двенадцать, она—

— Модуль двенадцать герметичен. Спасательная команда внутри. Подожди.

Ждать. Она ненавидит это слово.

Минуты тянутся, как часы. Толпа растёт. Лица — знакомые и незнакомые — сливаются в одно размытое пятно. Кто-то плачет. Кто-то молится. Нира стоит, сцепившись в поручень, и смотрит на закрытую перегородку.

А потом — сдвиг.

Она чувствует это раньше, чем осознаёт: что-то меняется. Воздух становится плотнее, гуще. Цвета блекнут. Звуки гложут. И внутри черепа — давление, которого раньше не было. словно кто-то смотрит на неё изнутри.

«Что это?» — думает она.

И получает ответ.

Мир раскрывается.

Нира видит нити. Тысячи, миллионы нитей — они пронизывают всё, связывают людей со стенами, стены — с полом, пол — со звёздами за обшивкой. Она видит, как нити рвутся в секторе семь, как ткань реальности расползается, как пустота проглатывает связи.

И она видит мать.

Там, за перегородкой, в герметичном модуле — пульсирующий узор знакомых нитей. Живой. Напуганный. Но живой.

А ещё она видит разрыв — Прореху, растущую в точке пробоя. Маленькую, с детский кулак. Но расширяющуюся.

Нира не думает. Она действует.

Позже ей расскажут, что это называется — инстинктивное пробуждение. Редкий случай, когда дар манифестируется без подготовки, без обучения, просто потому, что человек оказался в нужном месте в нужный момент. Один на десять тысяч потенциальных Ткачей.

Но сейчас она не знает этого. Она просто тянется к разрыву и тянет.

Нити отзываются. Они слушаются её — легко, естественно, словно она делала это всю жизнь. Прореха сопротивляется, но Нира давит. Она не понимает, что делает, только знает: если это не остановить, мама погибнет. Все погибнут.

Она отдаёт что-то. Не знает что — но чувствует, как убывает. Мелочь. Важная мелочь.

Прореха схлопывается.

Нира падает на колени. Вокруг — крики, кто-то подхватывает её, голоса сливаются в неразборчивый гул.

Последнее, что она помнит, — лицо матери за стеклом аварийной перегородки. Мама плачет. Мама жива.

Потом — темнота.

Она приходит в себя в медотсеке. Белый потолок. Гудение аппаратуры. Запах антисептика.

– Нира?

Отец. Сидит рядом, держит её руку. Глаза красные, осунувшееся лицо – он не спал, навёрное, много часов.

– Папа. – Голос хриплый, горло саднит. – Мама?

– Жива. В соседней палате. Ты... – Он замолкает. Сглатывает. – Ты её спасла. Всех спасла.

– Я не понимаю, что...

– Потом. Отдохни.

Но отдохнуть не получается. Через час приходят люди в серых одеждах – двое мужчин и женщина. Лица спокойные, глаза внимательные. Они разговаривают с отцом за дверью, слишком тихо, чтобы Нира расслышала. Потом входят.

– Нира Кессель? – говорит женщина. Голос мягкий, но под мягкостью – сталь. – Меня зовут Веда. Я из Ордена Ткачей.

Нира слышала об Ордене. Все слышали. Те, кто латает Прорехи, те, кто держит реальность вместе. Святые и чудовища одновременно – зависит от того, кого спросить.

– Вы знаете, что сделали? – спрашивает Веда.

– Я... не знаю. Я видела что-то. Нити. И дыру.

Веда переглядывается со спутниками.

– Редкий случай, – говорит один из мужчин. – Очень редкий.

– Что со мной? – Нира садится на кровати. Голова кружится. – Что это было?

Веда подходит ближе. Садится на край койки. Когда она говорит, голос становится ещё мягче – и это пугает больше, чем если бы она кричала.

– У тебя дар, Нира. Ты – потенциальная Ткачиха. Одна из немногих, кто может видеть ткань реальности и работать с ней. Ты можешь спасти жизни. Целые миры.

– И?

Веда молчит секунду. Потом:

– И тебе нужно обучение. Без него твой дар убьёт тебя. Или кого-то рядом.

– Обучение где?

– В Цитадели. У нас.

– На сколько?

Пауза.

– Навсегда.

Нира чувствует, как земля уходит из-под ног. Нет, не земля – палуба станции. Её дом. Её мир.

– Я не хочу уезжать.

– Это не выбор. – Веда говорит это без жестокости, просто констатирует факт. – Твой дар слишком силен, чтобы оставить его без присмотра. Ты уже чувствуешь, как реальность откликается на тебя? Как нити тянутся к твоему вниманию?

Нира чувствует. Она старалась не замечать – но да, что-то изменилось. Мир стал... тоньше. Прозрачнее. Будто за знакомыми стенами проступала изнанка.

– Моя семья—

– Получит компенсацию. Полный социальный пакет. Ты сможешь связываться с ними.

– Связываться – не то же самое, что быть рядом.

Веда кивает. В её глазах – понимание. Может, даже сочувствие.

– Нет. Не то же самое. Но это цена.

– За что?

– За дар, который у тебя уже есть. Ты не выбирала его – но он выбрал тебя.

Нира молчит. За окном медотсека – серый коридор. Обычный, знакомый. Скоро – чужой. Отец входит. Лицо – маска, за которой что-то рвётся.

– Нира... – Он останавливается. Не знает, что сказать.

– Я знаю, – говорит она. – Мне рассказали.

– Мы с мамой...

– Я знаю.

Они обнимаются. Долго, молча. Нира вдыхает запах отца – машинное масло, пот, что-то неуловимо родное. Пытается запомнить.

Через три дня она улетает.

Нира открыла глаза. Челнок гудел ровно, звёзды за иллюминатором медленно смещались – они входили в зону искривления канала. До Цитадели оставалось меньше часа.

Флэшбек. Она ненавидела их – непрошенные, внезапные погружения в прошлое. Они слушались после ткачества, когда разум был уязвим. Как будто память, потеряв что-то, пыталась компенсировать, выталкивая на поверхность старое.

Восемь лет. Шестнадцать – тогда, двадцать четыре – сейчас. Целая жизнь.

Нира поймала себя на том, что трогает лицо – проверяет, настоящее ли оно. Глупый жест, но после ткачества границы размывались. Иногда требовалось время, чтобы снова почувствовать себя собой.

Если «себя» вообще ещё осталось.

Она посмотрела на свои руки. Мозоли – от инструментов, от лет работы на станции ещё до Ордена. Шрамы – тонкие, почти невидимые, от первых неудачных попыток ткачества, когда реальность отвечала резче, чем она ожидала. Руки рабочего человека. Руки Ткачихи.

Руки, которые отдали неизвестно сколько себя за восемь лет.

Нира закрыла глаза снова. Не для сна – для ревизии.

Это стало ритуалом после каждого задания: пройтись по важным воспоминаниям, поверить, на месте ли они. Мать. Отец. Лианн. Каллисто-7. Обзорный купол. Юпитер в полнеба. Обещание.

Она помнила обещание. «Мы полетим вместе, когда вырастем». Помнила улыбку Лианн. Помнила закат Ио за горизонтом гиганта.

Что она забыла сегодня? Что-то связанное с кухней. С матерью. С запахом...

Запах чего?

Нира стиснула зубы. Бессмысленно. Если воспоминание ушло – оно ушло. Оплакивать пустоту невозможно, когда не знаешь, чем она была заполнена.

Но иногда – вот как сейчас – она чувствовала контуры утраты. Дыру определённой формы, которая когда-то была чем-то важным.

Цитадель появилась за иллюминатором внезапно – или так казалось. Нира моргнула, и вот она: громадная станция на орбите вокруг карликовой звезды, которую древние астрономы называли Солнечным Кластером. Станция, построенная триста лет назад из материала, которого больше не существовало. Станция, чьи стены были сотканы из чистой запутанности.

Издалека Цитадель выглядела как клубок светящихся нитей – белых, серебристых, с редкими вкраплениями других цветов. Вблизи – как город, вывернутый наизнанку: коридоры, башни, купола, всё текучее, всё меняющееся. Обычная материя здесь казалась неуместной; даже челнок Ниры будто съеживался, приближаясь к стыковочному узлу.

Двенадцать тысяч Ткачей на триллионное человечество. Все они прошли через эту станцию – через её школы, её ритуалы, её боль.

Стыковка прошла штатно. Нира отстегнулась, взяла сумку с многочисленными вещами, вышла в шлюз.

Коридор Цитадели встретил её привычным запахом – озон и что-то ещё, неуловимое, на грани восприятия. Так пахла запутанность, когда её было слишком много. Воздух здесь казался плотнее, насыщеннее, словно каждый вдох нёс в себе крупинцы чужих историй.

Она пошла к своему жилому модулю. Знакомые повороты, знакомые лица – другие Ткачи кивали ей, некоторые здоровались. Нира отвечала на автомате. Восемь лет – достаточно, чтобы знать всех по именам. Недостаточно, чтобы называть кого-то другом.

Ткачи не заводили друзей. Это одно из первых правил, которые ей объяснили: сильные связи ускоряют распад. Каждая привязанность – нить, которую ткачество тянет первой. Любить – значит терять быстрее.

Нира думала об этом правиле каждый раз, когда вспоминала Лианн.

Её модуль был маленьким – койка, стол, шкаф, санузел. Никаких украшений, никаких фотографий. Всё, что напоминало о прошлом, она хранила в памяти.

Которая утекала.

Нира бросила сумку на койку, села за стол. Достала планшет – старый, потрёпанный, один из немногих личных предметов. На экране – файл, который она не открывала уже месяц. «Список».

Названия воспоминаний. Короткие фразы, ключевые слова. День рождения матери. Первый поцелуй с Лианн. Смерть бабушки. Авария на станции.

Она прокрутила вниз. Где-то здесь должно быть что-то о кухне. О запахе.

Вот.

«Мамины кексы. Запах ванили и чего-то цитрусового. Воскресное утро. Лианн в гостях. Хохот.»

Нира прочитала строчку три раза.

Она не помнила этого. Слова были знакомыми – её почерк, её формулировки. Но за ними не было ничего. Пустота.

Она написала это сама. Записала как важное. И теперь не могла вспомнить, почему.

Нира закрыла файл. Отложила планшет.

Руки не дрожали. Она научилась контролировать это.

Сообщение пришло через час – стандартный формат внутренней связи Ордена.

«Ткачихе Нире Кессель. Явиться к Наставнику Веклану Тиру. Зал Кромки. Без задержки.»

Нира перечитала дважды. Веклан. Её наставник. Член Кромки – совета семи старейших Ткачей. Человек, который восемь лет учил её всему: видеть нити, работать с Прорехами, выживать.

Он редко вызывал её лично. Обычно – для важного.

Она переделалась в чистое, пригладила волосы, вышла из модуля.

Коридоры Цитадели извивались, меняли конфигурацию – станция была живой в каком-то смысле, её структура откликалась на плотность запутанности в разных секторах. Нира шла, не задумываясь о направлении; после восьми лет маршруты впечатались в тело.

Зал Кромки находился в центре станции – там, где концентрация нитей была максимальной. Входя, Нира всегда чувствовала это: давление в черепе, гул на грани слуха, ощущение, что реальность здесь плотнее, весомее, настоящее.

Двери раскрылись беззвучно.

Зал был огромным – и одновременно камерным. Парадокс архитектуры Цитадели: пространство здесь вело себя странно. В центре – голографическая карта, сейчас погашенная. По периметру – семь возвышений для членов Кромки. Шесть пустовали. На седьмом стоял Веклан.

Высокий, изящный, с серебряными волосами, собранными в строгий узел. Лицо – сеть тонких морщин, но глаза – молодые, пронзительные, слишком живые для человека, прожившего три с половиной века. Он двигался с неестественной плавностью – результат столетий контроля над телом.

И на долю секунды – Нира моргнула – его силуэт *двоился*. Тень другого Веклана, который мог бы быть.

Потом иллюзия исчезла.

– Нира, – сказал Веклан. Голос – глубокий, спокойный. – Спасибо, что пришла быстро.

– Вы вызвали.

Он кивнул, спустился с возвышения. Подошёл ближе, но не слишком – Веклан всегда соблюдал дистанцию, физическую и эмоциональную. Это было частью его метода: близость для Ткача – роскошь.

– Узел-17, – сказал он. – Микро-Прореха, сектор восемь. Ты справилась за сорок три минуты.

Не вопрос. Констатация.

– Стандартная работа, – ответила Нира.

– Для тебя – да. – Веклан чуть склонил голову. – Для обычного Узлового – три часа. Для старшего Узлового – два. Ты сделала это вдвое быстрее лучших.

Нира промолчала. Это не было комплиментом. Она знала, куда он ведёт.

– Твоя аномалия, – продолжил Веклан. – Я наблюдал её восемь лет. Изучал. Пытался понять.

– И?

Он сделал ещё шаг вперёд. Теперь они были достаточно близко, чтобы Нира чувствовала его присутствие – не физическое, а глубже. Нити Веклана были древними, мощными, сплетёнными в узоры такой сложности, что Нира едва могла их охватить.

– Ты не такая, как мы, – сказал он. – Я всегда это знал. Но теперь я знаю *почему*.

Пауза. Нира ждала.

– Твоя запутанность, – Веклан говорил медленно, выбирая слова, – связана не только с этой вселенной. Часть твоих нитей уходит... в сторону. Туда, где не должно быть ничего.

Нира похолодела. Она чувствовала этот пучок – странный, тяжёлый, уходящий в неопределённость. Всегда старалась не смотреть на него. Не думать.

– Что это значит?

– Я не знаю. – Веклан впервые выглядел неуверенным, и это пугало больше, чем его слова. – Но я намерен выяснить. И для этого мне нужна ты.

– Что вы хотите?

Веклан отступил. Коснулся голографического проектора, и карта ожила – не галактика, что-то другое. Схема, диаграмма, сеть узлов и связей.

– Приходи завтра, – сказал он. – В это же время. Я покажу тебе кое-что. То, что изменит всё.

– Что именно?

Он посмотрел на неё – долго, пристально. В его глазах было что-то, чего Нира не могла прочесть. Тревога? Надежда? Страх?

– Масштаб, – сказал Веклан. – Ты увидишь масштаб того, что происходит. И поймёшь, почему твоя аномалия – не проклятие.

– А что тогда?

– Шанс.

Он отвернулся – разговор был окончен. Нира стояла посреди огромного зала, и нити реальности вокруг неё гудели на грани слуха.

Шанс. На что?

Она не знала. Но чувствовала: что-то меняется. Что-то, чего она не сможет остановить. Нира вышла из Зала Кромки и пошла к своему модулю.

За её спиной голографическая карта медленно гасла, унося с собой контуры чего-то огромного, чего-то страшного.

Завтра она узнает.

А пока – ночь. Сон. И память, которая утекает по капле, забирая с собой запах ванили и материнский смех.

Глава 2: Карта

Ночь в Цитадели не отличалась от дня – станция не знала естественных циклов освещения, только ровный искусственный свет, который можно было приглушить в жилых модулях. Но тело Ниры помнило ритмы Каллисто-7, и сейчас, в три часа по внутреннему времени, оно требовало сна.

Сон не шёл.

Она лежала на койке, глядя в потолок. Серый металл, едва заметные швы между панелями, мерцание индикатора системы жизнеобеспечения. Знакомый вид, но сегодня он казался чужим.

«Твоя запутанность связана не только с этой вселенной».

Слова Веклана крутились в голове, не давая покоя. Восемь лет она знала, что отличается от других Ткачей – сильнее, быстрее, эффективнее. Восемь лет списывала это на природный талант, на удачу, на что угодно, только бы не задумываться слишком глубоко.

Но она знала. Всегда знала.

Тот пучок нитей – тяжёлый, странный, уходящий *в сторону* от всего остального. Она чувствовала его каждый раз, когда входила в состояние ткачества. Старалась не смотреть, не трогать, не думать. Будто если игнорировать достаточно долго, оно исчезнет.

Не исчезло.

Нира села на койке. Потёрла лицо ладонями. Усталость была глубокой, костной, но мозг отказывался замолчать.

Она встала, подошла к маленькому иллюминатору. За толстым стеклом – звёзды. Тысячи звёзд, каждая – узел в бесконечной ткани. Где-то там, в восемнадцати световых часах отсюда, – Юпитер. Каллисто-7. Родители.

Лианн.

Восемь лет без личной встречи. Только сообщения – редкие, короткие, становившиеся всё формальнее с каждым годом. Нира писала о работе, о тренировках, о ничего не значащих мелочах. Лианн отвечала о станции, о соседях, о погоде в куполе (будто на Каллисто была погода). Они обе избегали главного.

«Ты обещала вернуться».

Нира обещала. И не вернулась.

Она отвернулась от иллюминатора. Посмотрела на планшет, лежащий на столе. Список воспоминаний. Дыры в памяти.

Мамины кексы. Она прочитала эти слова вчера – и не почувствовала ничего. Пустые символы, лишённые значения. Где-то внутри неё было воспоминание, тёплое и важное, а теперь – только текст на экране.

Сколько ещё таких дыр? Сколько вещей она потеряла, даже не заметив потери?

Нира легла обратно. Закрыла глаза.

Сон пришёл под утро – тяжёлый, без сновидений.

Вызов Веклана повторился в полдень. Тот же формат, те же слова: «Явиться к Наставнику Веклану Тиiru. Личный кабинет. Без задержки».

Личный кабинет. Не Зал Кромки.

Это было необычно. Веклан принимал учеников в официальных помещениях, предпочитая дистанцию и формальность. Его личные покои видели немногие.

Нира оделась, проверила себя в отражении – бледное лицо, тени под глазами, но в целом терпимо – и вышла.

Коридоры Цитадели были оживлённее, чем ночью. Другие Ткачи шли по своим делам: молодые Нити в учебных группах, Узловые – поодиночке или парами, редкие фигуры из Основы – старшие, почти развоплощённые, двигавшиеся как призраки. Нира кивала знакомым, не останавливаясь.

Кабинет Веклана находился в верхнем сегменте станции, там, где концентрация запутанности достигала критических величин. Обычные люди не могли там находиться дольше нескольких минут – начиналась дезориентация, потеря чувства времени, иногда галлюцинации. Для Ткачей это была рабочая среда.

Дверь отворилась раньше, чем Нира успела коснуться панели.

– Входи.

Голос Веклана донёсся изнутри – спокойный, как всегда.

Она вошла.

Кабинет оказался больше, чем она ожидала, – и одновременно теснее. Парадокс пространства: стены здесь не были стенами в привычном смысле, они текли, меняли форму, откликаясь на присутствие. Мебель минимальна – рабочий стол, два кресла, полки с чем-то, что могло быть книгами или чем-то совершенно иным.

Но главное – это заняло весь центр комнаты.

Голографическая карта галактики.

Нира остановилась на пороге, не в силах отвести взгляд.

Она видела карты раньше – учебные, тактические, административные. Но эта была другой. Это была не схема, не модель – это было *отражение*. Каждая звезда пульсировала собственным светом, каждая связь между системами светилась тонкой нитью. Четыре тысячи обитаемых миров, триллионы жизней – всё здесь, в объёме размером с комнату.

И она видела раны.

Серые пятна, разбросанные по периферии галактики. Системы без света, без нитей – мёртвые точки в живой ткани. Их было много. Слишком много.

– Триста семнадцать, – сказал Веклан. Он стоял у дальней стены, скрестив руки на груди. – На данный момент. Вчера было триста шестнадцать.

Нира шагнула ближе к карте. Протянула руку – пальцы прошли сквозь голограмму, не встретив сопротивления.

– Отвалившиеся системы?

– Да.

Она медленно обошла карту, рассматривая. Серые пятна концентрировались на окраинах – там, где плотность запутанности была ниже, где связи истончались. Но некоторые уже добрались до среднего пояса.

– Это ведь не новая информация, – сказала она. – Мы знаем о Прорехах. О потерях.

– Ты знаешь цифры. Статистику. – Веклан подошёл к карте с другой стороны. Его лицо, освещённое голубым светом голограммы, казалось моложе – и одновременно древнее. – Но видела ли ты картину целиком?

Он коснулся невидимой панели, и карта изменилась.

Время ускорилося. Нира смотрела, как серые пятна множатся – год за годом, десятилетие за десятилетием. Периферия темнела, как гангрена, пожирающая здоровую ткань. Средний пояс сжимался. Ядро оставалось ярким, но кольцо вокруг него становилось всё тоньше.

Проекция остановилась.

– Это текущая скорость, – сказал Веклан. – Восемьдесят систем в год. С учётом экспоненциального роста – через семьдесят-сто двадцать лет человечество сожмётся до Ядра. Ещё через поколение – исчезнет полностью.

Нира молчала. Цифры были знакомыми – она слышала их на лекциях, читала в отчётах. Но одно дело – цифры. Другое – видеть, как умирает галактика.

– Почему вы показываете это мне?

Веклан не ответил сразу. Он смотрел на карту – на пульсирующие точки живых систем, на серые провалы мёртвых.

– Потому что ты должна понимать контекст, – сказал он наконец. – То, что я расскажу дальше, не имеет смысла без контекста.

Он снова коснулся панели. Карта сменилась – теперь в центре была не галактика, а диаграмма. Сеть узлов, связанных нитями, похожая на молекулярную модель или нейронную сеть.

– Это – ткань реальности, – объяснил Веклан. – Упрощённая схема, но принцип верен. Каждый узел – квантовая система. Каждая нить – запутанность. Пространство-время – не фундаментальная данность, а эмерджентный паттерн. Мы живём не *в* пространстве. Мы живём *на* связях между частицами.

– Я знаю теорию.

– Знаешь слова. – Веклан чуть улыбнулся – редкое выражение для него. – Но слова не передают главного. Это, – он обвёл рукой диаграмму, – не метафора. Буквально: если связи рвутся, пространство исчезает. Не «становится пустым» – перестаёт существовать.

Нира кивнула. Она видела это своими глазами – внутри Прорех, где геометрия сходилась с ума, где «здесь» и «там» теряли различия.

– Орден существует триста лет, – продолжил Веклан. – Мы латаем Прорехи, поддерживаем связность, боремся с энтропией. И триста лет мы проигрываем.

– Проигрываем?

– Латание – не решение. – Его голос стал жёстче. – Это обезболивающее для умирающего. Мы замедляем процесс, но не останавливаем его. Каждый год Прорех становится больше. Каждый год мы теряем Ткачей – они выгорают, уходят в Безымянные, умирают от истощения. А новых рождается меньше, чем нужно.

– Тогда зачем?..

– Зачем мы продолжаем? – Веклан посмотрел на неё. – Потому что альтернатива – сдаться. Позволить человечеству раствориться в хаосе. Некоторые считают это приемлемым. Я – нет.

Он отвернулся от диаграммы, прошёлся по кабинету. Его шаги были бесшумными – Ткачи высокого ранга почти не производили звуков при движении, будто реальность смазывала их присутствие.

– Есть другой путь, – сказал он, не глядя на Ниру. – Не латание, не замедление. Решение.

– Какое?

Веклан остановился у стены. На секунду показалось, что он колеблется – невероятно для человека, который никогда не проявлял неуверенности.

– Прежде чем я отвечу, ты должна увидеть кое-что ещё. – Он обернулся. – Ты готова?

Нира не знала, к чему готовиться. Но кивнула.

Веклан снова коснулся панели. Карта галактики вернулась – но изменилась. Теперь в самом центре, там, где находилось ядро, горела точка ослепительной яркости.

– Сагиттариус А*, – сказал Веклан. – Сверхмассивная чёрная дыра в центре галактики. Четыре миллиона солнечных масс. Но это не то, что интересует нас.

Карта приблизилась к точке. Нира увидела структуру: аккреционный диск, джеты, гравитационные линзы – знакомые образы из учебников астрофизики.

– *Внутри* Сагиттариуса, – продолжил Веклан, – есть нечто. Артефакт. Или, точнее – состояние. Мы называем его Оракулом Первозапутанности.

Нира нахмурилась.

– Внутри чёрной дыры?

– За горизонтом событий. – Веклан кивнул. – Теоретически недоступная область. Практически... это сложнее.

Он развернулся к ней полностью. Голубой свет карты падал на его лицо, превращая морщины в глубокие тени.

– Чёрные дыры – не пустота. Это экстремальная концентрация запутанности. Вся информация, когда-либо поглощённая горизонтом, не исчезает – она кодируется на поверхности. Голографический принцип.

– Я знаю.

– Знаешь теорию. – Опять эта фраза. – Но вот что не знаешь: Сагиттариус А* – не просто чёрная дыра. Это одна из древнейших структур во вселенной. Она существовала почти с самого начала – с первых миллионов лет после Большого Взрыва.

Веклан подошёл ближе к голограмме. Его рука прошла сквозь изображение чёрной дыры, и свет преломился вокруг пальцев.

– В момент рождения вселенной – в первые доли секунды – всё было связано. Абсолютная запутанность. Каждая частица – с каждой. Единая ткань без швов, без разрывов. Потом началась инфляция, расширение, декогеренция. Связи рвались. Возникло то, что мы называем пространством.

– Но не везде, – догадалась Нира.

– Не везде. – Веклан кивнул с чем-то похожим на одобрение. – Внутри первых чёрных дыр, сформировавшихся в молодой вселенной, часть первоначальной запутанности сохранилась. Законсервировалась за горизонтом событий, защищённая от внешней декогеренции.

Он замолчал. Нира ждала.

– Оракул Первозапутанности, – произнёс Веклан медленно, словно пробуя слова на вкус, – это точка внутри Сагиттариуса, где сохранился фрагмент изначальной связности. Первый узел. Семя, из которого выросла вся ткань реальности.

– И что это значит? Практически?

– Практически... – Веклан снова сделал паузу. – Тот, кто получит доступ к Оракулу, сможет воздействовать на саму структуру запутанности. Не латать отдельные Прорехи – изменить фундаментальные параметры ткани. Остановить распад. Возможно – обратить его.

Нира почувствовала, как по спине пробежал холодок. Это звучало как... как сказка. Как религия.

– Вы серьёзно?

– Абсолютно.

– Но... – Она запнулась, подбирая слова. – Это же невозможно. Проникнуть за горизонт событий – значит пересечь его. А всё, что пересекает горизонт...

– Не может вернуться. По классической физике – да. – Веклан слегка наклонил голову. – Но мы не классические физики, Нира. Мы – Ткачи. Мы работаем с запутанностью напрямую. А запутанность не знает горизонтов.

Он вернулся к рабочему столу, сел в кресло. Жестом указал на второе – Нира послушно села напротив.

– Триста лет назад, – начал Веклан, – когда Орден только формировался, первые Ткачи обнаружили... аномалии. Людей, чья запутанность не вписывалась в обычные паттерны. Слишком сильных. Слишком странных.

Нира напряглась. Она знала, куда это ведёт.

– Некоторые из них были просто мутациями – случайные вариации без особого значения. Но другие... – Веклан посмотрел ей в глаза. – Другие имели связи, уходящие за пределы обычной ткани. Нити, которые тянулись... в сторону.

– Как у меня.

Не вопрос. Констатация. Веклан кивнул.

– Я заметил это в первый год твоего обучения. Пучок нитей, не связанный ни с одной известной системой. Он уходит... – Веклан сделал неопределённый жест. – Мы не знаем куда. Ни одна наша модель не может это описать.

Нира стиснула подлокотники кресла. Вот оно. То, о чём она не хотела думать восемь лет.

– Что это значит?

– Это значит, что ты – мост. – Веклан наклонился вперёд. – Твоя запутанность связывает нашу вселенную с чем-то *снаружи*. Чем-то, что не является частью нашей ткани. Чем-то... иным.

– Иным? – Нира почувствовала, как голос дрогнул. – Что значит «иным»? Другая вселенная? Другое измерение? Что?

– Мы не знаем.

Три слова. Простые, честные – и от этого ещё более пугающие.

– За триста лет, – продолжил Веклан, – было зафиксировано одиннадцать случаев подобной аномалии. Одиннадцать Ткачей с нитями, уходящими «наружу». Ты – двенадцатая.

– Что случилось с остальными?

Пауза. Длинная, тяжёлая.

– Семеро погибли. – Голос Веклана был ровным, почти бесстрастным. – Их аномалия оказалась нестабильной. Связь рвалась – и они распадались вместе с ней. Двое сошли с ума. Их сознание не выдержало... того, что они видели на другом конце связи.

– А ещё двое?

– Один стал Безымянным. Добровольно. Предпочёл раствориться, чем жить с этим знанием. – Веклан помолчал. – Последний... исчез. Восемьдесят лет назад. Его звали Ориен. Он был моим учеником.

Нира молчала. Одиннадцать предшественников. Девять – мертвы или хуже. Один – исчез.

– Почему вы рассказываете мне это только сейчас?

– Потому что раньше ты не была готова. – Веклан откинулся в кресле. – И потому что раньше я не был уверен.

– Уверен в чём?

– В том, что твоя аномалия – не проклятие. – Он снова посмотрел на неё тем странным взглядом, который она не могла прочесть. – Ты сильнее их всех, Нира. Твой пучок нитей толще, стабильнее, глубже укоренён. За восемь лет он не только не ослаб – он вырос. Это беспрецедентно.

– Вырос?

– На четырнадцать процентов. Я измерял. – Веклан слегка улыбнулся. – Ты не разваливаешься, Нира. Ты становишься сильнее. И я хочу знать почему.

Нира встала. Ей нужно было двигаться – сидеть и слушать дальше было невыносимо. Она прошлась по кабинету, чувствуя на себе взгляд Веклана.

– Допустим, вы правы, – сказала она, не оборачиваясь. – Допустим, моя... аномалия... стабильна. Что это меняет?

– Всё.

Она обернулась. Веклан стоял – когда он успел встать? – рядом с голограммой галактики.

– Оракул Первозапутанности, – сказал он, – находится за горизонтом событий. Чтобы добраться до него, нужно пройти сквозь барьер, который уничтожает любую информацию. Но если твои нити уже связаны с чем-то *снаружи*...

– Вы думаете, я могу пройти?

– Я думаю, ты – единственная, кто может.

Нира почувствовала, как земля уходит из-под ног. Метафорически – гравитация в Цитадели была стабильной. Но ощущение было именно таким: падение без опоры.

– Это безумие, – сказала она. – Вы хотите отправить меня в чёрную дыру на основании теории, которую даже не можете подтвердить.

– Я хочу дать тебе выбор. – Веклан говорил спокойно, как всегда. – Выбор, которого не было у твоих предшественников. Они не знали, что несут в себе. Ты – знаешь.

– Знаю что? Что я – мост к чему-то, что никто не понимает?

– Что ты – больше, чем просто Ткачиха. – Веклан шагнул к ней. – Твоя сила – не случайность, Нира. Ты быстрее других не потому, что талантливее. Ты быстрее, потому что черпаешь силу *оттуда*. Из того места, куда уходят твои нити.

Нира отступила. Стена оказалась неожиданно близко – прохладная, текучая поверхность Цитадели.

– Откуда вы знаете?

– Я наблюдал. Восемь лет. – Веклан остановился на расстоянии вытянутой руки. – Каждый раз, когда тыходишь в глубокое ткачество, твой аномальный пучок *светлеет*. Энергия течёт к тебе, не *от* тебя. Ты не тратишь себя, как другие Ткачи. Ты... получаешь.

– Но я теряю воспоминания. После каждого—

– Ты теряешь определённости. – Веклан кивнул. – Как все мы. Но гораздо медленнее, чем должна бы при твоей нагрузке. За восемь лет ты сделала работу, которая сожгла бы десятерых Узловых. И ты всё ещё здесь. Всё ещё помнишь своё имя.

Нира молчала. В его словах была логика – холодная, безжалостная логика, которую она не могла отрицать.

– Что вы от меня хотите? – спросила она наконец.

– Сегодня – ничего. – Веклан отступил, давая ей пространство. – Я хотел, чтобы ты знала. Чтобы понимала, кто ты и что несёшь в себе.

– А завтра?

– Завтра... – Он вернулся к столу, сел. Усталость проступила на его лице – впервые за весь разговор. – Завтра я покажу тебе кое-что ещё. Доказательства. Данные. Всё, что мы собрали за триста лет.

– И потом?

Веклан посмотрел на неё. В его глазах было что-то, чего она не видела раньше. Не надежда – слишком холодное слово. Что-то более личное, более болезненное.

– Потом ты решишь сама.

Нира вышла из кабинета Веклана в состоянии, которое не могла определить. Не шок – она прошла через шок, когда узнала о Прорехах, о своём даре, обо всём остальном. Это было глубже. Как будто почва под ногами оказалась тонкой коркой над бездной.

Она шла по коридорам Цитадели, не замечая направления. Ноги несли сами – мимо учебных залов, мимо жилых секторов, мимо медицинского отсека. Другие Ткачи обходили её стороной – может быть, чувствовали что-то.

Мост. Она – мост к чему-то снаружи.

Нира остановилась у панорамного окна на внешнем ободе станции. За стеклом – звёзды, такие же, как вчера. Но теперь они казались другими. Не точки света – узлы в ткани, которая разваливалась.

Триста семнадцать систем. Восемьдесят в год. Семьдесят-сто двадцать лет.

Она посчитала. К тому времени, когда галактика сожмётся до Ядра, ей будет девяносто четыре. Или сто сорок четыре. В зависимости от скорости распада.

Если она доживёт.

Если кто-то доживёт.

«Тот, кто получит доступ к Оракулу, сможет воздействовать на саму структуру запутанности».

Веклан говорил об этом как о факте. Но факты требуют доказательств, а всё, что он показал – карты и теории. Красивые, логичные, но теории.

Хотя...

Нира коснулась виска. Там, внутри, она чувствовала свои нити – знакомый паттерн, пульсация связей. И тот пучок. Тяжёлый, странный, уходящий *в сторону*.

Раньше она старалась не смотреть на него. Теперь – попробовала.

Мир сдвинулся.

Она не входила в полное состояние ткачества – только скользнула по краю, как трогают воду кончиками пальцев. Но этого хватило, чтобы увидеть.

Её нити – обычные, человеческие – разбегались во все стороны. К родителям, к Ордену, к станциям и планетам, где она побывала. Тонкие, светящиеся, узнаваемые. А рядом с ними – другое.

Канат.

Не нить – канат. Толстый, плотный, свитый из тысяч волокон. Он уходил... не «куда-то». Уходил *вбок*. В направлении, которого не существовало – не вверх, не вниз, не вперёд, не назад. В сторону, которую нельзя указать рукой.

И оттуда – из этого невозможного направления – что-то смотрело.

Нира отдёргнулась. Вынырнула из состояния, прижалась спиной к стене. Сердце колотилось, ладони вспотели.

Что это было?

Она не видела – только почувствовала. Присутствие. Внимание. Что-то огромное, непредставимое, существующее на другом конце каната.

И это что-то её *заметило*.

Ночь после разговора с Векланом Нира провела без сна.

Она лежала на койке, глядя в потолок, и пыталась не думать о том, что почувствовала. О том *чём-то* на другом конце связи.

Что это было? Существо? Место? Состояние?

Веклан говорил о чём-то «снаружи» вселенной. О нитях, уходящих за пределы ткани. Но он не упоминал, что там может быть *кто-то*.

Или упоминал?

«Двое сошли с ума. Их сознание не выдержало... того, что они видели на другом конце связи».

Видели. Не «почувствовали» – видели.

Нира села. Потёрла лицо. Мысли путались, налезали друг на друга.

Она могла пойти к Веклану, рассказать о том, что произошло. Он знал больше – наверняка знал. Но что-то удерживало её. Инстинкт? Недоверие? Или просто страх услышать ответ?

За окном – звёзды. Безразличные, древние. Они светили задолго до человечества и будут светить после. Если, конечно, ткань не распадётся раньше.

Нира встала, подошла к столу. Открыла планшет.

Файл со списком воспоминаний всё ещё был там. Она прокрутила его, читая записи. Имена людей, которых знала. Места, где бывала. Моменты, которые считала важными.

«Мамины кексы. Запах ванили и чего-то цитрусового. Воскресное утро. Лианн в гостях. Хохот».

Пустые слова. Она написала их, чтобы не забыть – и всё равно забыла.

Нира закрыла файл. Открыла другой – контакты.

Лианн Вессер. Последнее сообщение – три месяца назад. Короткое, формальное: «Всё хорошо. Работа, станция, обычные дела. Напиши, когда будет время».

Время. У Неры было много времени – и одновременно не было совсем.

Она начала набирать сообщение. Остановилась. Стёрла. Начала снова.

«Лианн. Я не знаю, как это написать, поэтому напишу прямо».

Остановилась. Прямо – что? Что она узнала? Что галактика умирает? Что она – аномалия, мост к чему-то неизвестному? Что кто-то или что-то смотрит на неё с другой стороны?

Лианн не была Ткачихой. Лианн жила обычной жизнью на обычной станции, работала координатором чего-то там, встречалась с кем-то, наверное. Нормальная жизнь. Такая, какую Нира могла бы иметь, если бы не авария.

Если бы не дар.

Нира стёрла сообщение. Закрыла планшет.

Может, позже. Когда будет что сказать.

Утро пришло незаметно – лампы в модуле автоматически перешли в дневной режим, и Нира поняла, что так и не уснула. Тело было свинцовым, голова – пустой.

Она приняла душ, оделась, съела что-то из пайка. Вкуса не почувствовала.

Вызова от Веклана не было. Он сказал «завтра» – и «завтра» ещё не началось по его расписанию. Ткачи высокого ранга придерживались собственных циклов, часто сдвинутых относительно станционного времени.

Нира решила выйти. Движение помогало думать – или хотя бы не думать слишком много.

Цитадель была огромной – станция, рассчитанная на двенадцать тысяч жителей, с запасом помещений для вдвое большего числа. Большая часть пустовала: Орден сокращался, новых Ткачей рождалось меньше, чем умирало старых.

Нира шла по полупустым коридорам, мимо закрытых дверей и тёмных залов. Цитадель была мавзолеем собственного величия – построенная в эпоху надежды, доживающая эпоху упадка.

Она остановилась у входа в библиотеку. Официально – архив Ордена, хранилище данных за триста лет. Нире разрешили доступ пять лет назад, когда она стала Узловой.

Внутри было тихо. Ряды терминалов, большинство – выключенные. Несколько Ткачей работали в дальнем углу, не обращая внимания на вошедшую.

Нира села за свободный терминал. Ввела запрос.

«Аномалии запутанности. Внешние связи. Исторические случаи».

Результатов было немного – семнадцать документов разной степени секретности. Большинство – закрытые, требующие допуска Основы или выше. Но три были доступны.

Она открыла первый.

«Отчёт о случае Ткача Лорена Вайта, 2187 г.». Сухой академический текст, полный терминов и графиков. Нира пролистала, выхватывая ключевое.

«...обнаружена аномальная связь, не коррелирующая с известными системами...»

«...нестабильность прогрессировала в течение 14 месяцев...»

«...летальный исход вследствие каскадного распада запутанности...»

Она открыла второй документ.

«Случай Ткачихи Серен Аль-Ваши, 2203 г.».

«...связь оставалась стабильной в течение 8 лет...»

«...попытка установить контакт с источником аномалии...»

«...психотический эпизод, необратимое повреждение когнитивных функций...»

Нира почувствовала, как холодеют руки. Серен пыталась установить контакт. С тем, что на другом конце. И сломалась.

А Нира – вчера – почувствовала, как это что-то её *заметило*.

Она открыла третий документ.

«Теоретическая модель внешней запутанности (гипотеза Веклана-Ориена), 2289 г.».

Имя Веклана заставило её замереть. Он упоминал Ориена – своего ученика, исчезнувшего восемьдесят лет назад. Они работали вместе?

Документ был длинным, насыщенным формулами и диаграммами. Нира продиралась сквозь текст, выхватывая суть.

«...запутанность может существовать не только внутри ткани реальности, но и между тканями...»

«...если мультивселенная представляет собой ансамбль независимых квантовых систем, связи между ними возможны в точках топологического контакта...»

«...Ткач с внешней связью является потенциальным каналом коммуникации между вселенными...»

И дальше – абзац, который заставил Ниру перечитать его трижды.

«Гипотеза: источником внешней связи может являться не иная вселенная в традиционном понимании, а состояние нашей собственной вселенной в альтернативном временном или конечном режиме. Возможные варианты включают: (а) коллапсированную вселенную, (б) симуляционную матрицу, (в) постбиологический разум, охватывающий всю доступную материю».

Коллапсированная вселенная. Что это значит?

Нира ввела новый запрос. Терминал думал несколько секунд, потом выдал результат.

«Коллапс запутанности – гипотетический процесс, при котором все квантовые связи во вселенной схлопываются в единую точку максимальной когерентности. Противоположность тепловой смерти. Теоретически возможен при определённых начальных условиях, но не наблюдался экспериментально».

Единая точка максимальной когерентности. Всё связано со всем – абсолютно, полностью, без исключений.

Нира откинулась в кресле. Голова кружилась от информации.

Если гипотеза верна, её аномальная связь уходит не в «другую вселенную» – а в *состояние*. Состояние, где всё едино. Где нет разделения, нет границ, нет различий.

Где нет отдельных *сознаний*.

Но тогда – что она почувствовала вчера? Это было похоже на присутствие. На внимание. На чей-то взгляд.

Или это была она сама – та её часть, которая уже *там*?

Вызов от Веклана пришёл к вечеру.

«Явиться немедленно. Личный кабинет».

Нира закрыла терминал и пошла.

Коридоры Цитадели были теми же – текущие стены, мерцающий свет, запах озона. Но теперь она видела их иначе. Видела структуру под поверхностью: нити запутанности, пронизывающие станцию. Цитадель была не просто станцией – это был *узел*. Концентрация связей такой плотности, что материя вокруг становилась почти жидкой.

У двери кабинета она остановилась. Сделала глубокий вдох.

Что бы Веклан ни собирался показать – она была готова.

Дверь открылась.

Кабинет выглядел так же, как вчера: текущие стены, минимум мебели, голограмма в центре. Но голограмма была другой.

Не карта галактики. Не диаграмма.

Человеческая фигура.

Нира. Точнее – её запутанность, развёрнутая в трёхмерное изображение. Сотни нитей, расходящиеся во все стороны. Пульсирующий узел в центре – её сознание, её «я».

И канат.

Он был виден ясно – толстый, плотный, уходящий *вбок*. В направление, которое глаз отказывался воспринимать.

– Я записал это утром, – сказал Веклан. Он стоял у дальней стены, скрестив руки на груди. – Пока ты спала. Твоя связь стала ещё сильнее.

Нира подошла к голограмме. Рассматривала себя со стороны – странное ощущение, как будто смотришь на собственный рентген.

– Ты чувствовала что-нибудь? – спросил Веклан. – Вчера, после нашего разговора?

Она могла солгать. Промолчать. Но какой смысл?

– Да. – Голос звучал ровнее, чем она ожидала. – Я... заглянула туда. На секунду. И что-то заглянуло в ответ.

Веклан не удивился. Только кивнул.

– Я ожидал этого. – Он подошёл ближе к голограмме. – Твоя связь двусторонняя, Нира. Ты можешь видеть *туда* – и *оттуда* могут видеть тебя.

– Что это? – Она указала на канат. – Что на другом конце?

Пауза. Веклан смотрел на голограмму – на толстый жгут нитей, уходящий в никуда.

– Я не знаю наверняка, – сказал он наконец. – Но у меня есть теория.

Он коснулся панели управления. Голограмма изменилась: теперь рядом с изображением Ниры появилась схема – спираль, сжимающаяся в точку.

– Коллапс запутанности, – произнёс Веклан. – Конечное состояние вселенной, в которой все связи схлопнулись. Всё – едино. Нет пространства, нет времени, нет различий. Только одна бесконечно сложная система.

– Я читала об этом, – сказала Нира. – В архиве. Ваша гипотеза с Ориеном.

– Тогда это была гипотеза. – Веклан кивнул. – Теперь – почти уверенность.

– Почему?

Он посмотрел на неё. В его глазах было что-то новое – не учительское терпение, не холодный расчёт. Что-то более личное.

– Потому что я *слышал* их.

Нира замерла.

– Что?

– Давно, – продолжил Веклан. – Сто пятьдесят лет назад. Я был молодым Ткачом, работал на границе большой Прорехи. И на мгновение – одно мгновение – я услышал... голос. Много голосов. Миллиарды голосов, слившихся в один. Они говорили что-то, но я не понял.

Он отвернулся к голограмме.

– С тех пор я изучаю это. Искал ответы в физике, в философии, в данных Ордена. И постепенно картина складывалась.

Веклан указал на канат в голограмме.

– Твоя связь уходит не в «другую вселенную», Нира. Она уходит в *нашу* вселенную – но в её конечное состояние. Туда, где всё уже схлопнулось. Где триллионы разумов слились в единое целое.

Нира чувствовала, как земля уходит из-под ног. Снова это ощущение падения.

– Но... как это возможно? Если это будущее – как я могу быть связана с тем, что ещё не произошло?

– Время – тоже часть ткани, – ответил Веклан. – Запутанность не знает «до» и «после». Для связанных частиц прошлое и будущее – одно. – Он помолчал. – Или, если хочешь другую интерпретацию: это не будущее. Это параллельная вселенная, которая уже прошла путь до конца. Которая уже схлопнулась.

Нира подошла к голограмме. Коснулась изображения каната – пальцы прошли сквозь свет.

– Тогда то, что я почувствовала...

– Да. – Веклан кивнул. – Миллиарды сознаний, ставших одним. Они *смотрели* на тебя, Нира. Смотрели – через тебя – на нашу вселенную.

Она вспомнила ощущение: огромное, непостижимое, *внимательное*. Не враждебное – но и не дружественное. Просто... иное.

– Зачем им это? – спросила она. – Зачем смотреть?

– Не знаю. – Веклан пожал плечами – редкий жест, почти человеческий. – Может, они тоскуют по разделённости. Может, хотят чего-то от нас. А может, ты для них – то же, что мы для муравья: интересно, но не особенно важно.

Нира отвернулась от голограммы. Прошла по кабинету, пытаясь упорядочить мысли.

– Вы сказали, что я – мост, – произнесла она наконец. – Мост между нами и... ними. Что это значит практически?

– Это значит, что через тебя возможен контакт. – Веклан подошёл к ней. – Настоящий контакт. Не случайные проблески, как у меня, – а полноценная связь.

– Связь для чего?

– Для ответов. – Его голос стал жёстче. – Они – конечное состояние. Они прошли весь путь. Они знают, как работает ткань на самом глубоком уровне. Если кто-то может помочь нам остановить распад – это они.

Нира остановилась. Посмотрела на Веклана.

– Вы хотите, чтобы я... поговорила с ними?

– Я хочу, чтобы ты *поняла* их. – Он не отвёл взгляда. – То, что ты почувствовала вчера, – только начало. Твоя связь достаточно сильна, чтобы пойти глубже. Увидеть больше. Может быть – найти способ спасти нас всех.

– А если я сломаюсь? Как Серен?

– Серен была слабее. – Веклан говорил это без жестокости – просто констатировал факт. – Её связь была тонкой, нестабильной. Она пыталась форсировать контакт, не имея ресурсов. Ты – другая.

– Откуда вы знаете?

– Потому что ты уже коснулась их – и не сломалась. Потому что твой канат толще, чем всё, что я видел за триста пятьдесят лет. Потому что ты, Нира Кессель, – аномалия среди аномалий.

Он сделал шаг ближе.

– Ты не случайность. Ты – шанс. Единственный шанс, который у нас есть.

Нира молчала. Слова Веклана давили, как физическая тяжесть. Он верил в то, что говорил – она видела это в его глазах. Не надежда – убеждённость.

Но что видела она?

Голограмму собственной запутанности. Канат, уходящий в никуда. Миллиарды слившихся сознаний на другом конце.

И вопрос – главный вопрос, который она не могла задать.

Почему она?

Почему из всех людей – из триллионов разумных существ – именно Нира Кессель с промышленной станции в системе Юпитера оказалась мостом между вселенными?

Случайность? Судьба? Чей-то замысел?

Она не знала. И подозревала, что Веклан – тоже.

– Мне нужно время, – сказала она. – Подумать.

Веклан кивнул. Отошёл, давая пространство.

– Конечно. Думай сколько нужно. – Он помолчал. – Но помни: галактика не будет ждать. Каждый день – новые Прорехи. Каждый год – десятки потерянных систем. Время – ресурс, которого у нас всё меньше.

Нира направилась к двери. На пороге остановилась.

– Ещё один вопрос.

– Да?

– Оракул Первозапутанности. Вы упоминали его вчера. Какая связь?

Веклан улыбнулся – тонко, почти незаметно.

– Хороший вопрос. – Он указал на голограмму. – Твоя связь уходит наружу. Оракул – внутри. Две стороны одной монеты. Если ты хочешь понять, кто ты на самом деле, – тебе нужны оба.

– Оба?

– Контакт с коллапсированной вселенной – и путь к Оракулу. – Веклан шагнул к ней. – Одно без другого бессмысленно. Вместе – они дают ответ.

Нира смотрела на него. Триста пятьдесят лет жизни, сотни лет поисков – и всё свелось к ней. К девочке с Каллисто-7, которая случайно оказалась мостом.

– Я дам ответ, – сказала она. – Скоро.

И вышла.

Коридоры Цитадели были пусты – поздний вечер по станционному времени. Нира шла, не замечая направления, погружённая в мысли.

Два пути. Два варианта.

Связь с чем-то за пределами вселенной – с миллиардами слившихся сознаний, которые смотрели на неё через канат запутанности.

И Оракул – точка внутри древней чёрной дыры, где сохранился фрагмент первоначальной связности.

Веклан хотел, чтобы она использовала оба. Чтобы стала... чем? Каналом? Инструментом? Спасительницей?

Или жертвой?

Нира остановилась у панорамного окна. Те же звёзды, что вчера. Те же точки света, те же узлы в ткани.

Где-то там – Каллисто-7. Родители. Лианн.

Восемь лет она жила как Ткачиха. Латала Прорехи, теряла воспоминания, отдавала себя по капле. Думала, что это – её судьба. Её долг.

Теперь оказалось, что судьба гораздо больше. И страшнее.

Она прикрыла глаза. Позволила себе скользнуть к краю состояния ткачества – не глубоко, только коснуться.

Канат был там. Тяжёлый, пульсирующий. Уходящий *в сторону*.

И на другом конце – что-то ждало.

Нира открыла глаза. Отступила от края.

Ещё не сейчас. Ещё не время.

Но скоро – она знала – придётся решать.

Мост не может вечно стоять между берегами. Рано или поздно кто-то должен пройти по нему.

Вопрос только – в какую сторону.

Глава 3: Голос

Три дня Нира не выходила из каюты.

Еда появлялась у двери – стандартные пайки Ордена, безвкусные и питательные. Она ела машинально, не замечая вкуса. Спала урывками, по два-три часа, просыпаясь от снов, которые не могла вспомнить. Остальное время – думала.

Или пыталась не думать.

Канат. Связь. Миллиарды сознаний на другом конце.

Каждый раз, когда она закрывала глаза, ощущение возвращалось: огромное, внимательное, *ждущее*. Оно не давило, не требовало – просто было. Как звёзды за иллюминатором. Как гул вентиляции. Постоянное присутствие на краю восприятия.

На третий день Нира поняла, что больше не может откладывать.

Она села на пол каюты – жёсткий металл, холодный даже через ткань комбинезона. Скрестила ноги, положила руки на колени. Закрывает глаза.

Дыхание. Вдох – четыре секунды. Задержка – четыре секунды. Выдох – четыре секунды. Базовая техника, которой учили всех Нитей в первый год. Успокоить тело, освободить разум, подготовиться к состоянию ткачества.

Но сегодня ей не нужно было ткачество.

Сегодня ей нужно было *туда*.

Нира позволила восприятию расшириться – медленно, осторожно. Сначала – собственное тело: сердцебиение, ток крови, электрические импульсы в нервах. Потом – каюта: металл стен, гудение систем жизнеобеспечения, едва уловимая вибрация станции. Потом – дальше: коридоры Цитадели, другие Ткачи, пульсирующая сеть запутанности, пронизывающая всё.

И канат.

Он был там, где всегда – *в стороне*. Толстый, плотный, уходящий в направление, которое не существовало. Нира обычно избегала его, обходила стороной, как обходят трещину в полу.

Сегодня она шагнула к нему.

Ощущение изменилось сразу. Канат не был пассивным – он *откликнулся*. Нити внутри него задрожали, зашевелились, потянулись к ней. Не угрожающе – скорее... любопытно? Как будто что-то на другом конце почувствовало её приближение.

Нира сделала ещё шаг. В обычном пространстве она не двигалась – сидела неподвижно на полу каюты. Но здесь, в пространстве связей, она шла. К краю. К границе.

К *ним*.

Канат становился толще по мере приближения. Или это она становилась меньше? Масштаб терял смысл. Отдельные нити сливались в потоки, потоки – в реки, реки – в океан. Она тонула в запутанности, и запутанность принимала её.

Страх пришёл – острый, животный. Инстинкт самосохранения кричал: назад, прочь, это слишком много, ты растворишься. Нира замерла на краю.

И тогда – голос.

– *Не бойся.*

Не слова – не в обычном смысле. Скорее – паттерн. Вибрация в ткани связей, которая сложилась в значение. Но значение было ясным, чётким. И – это поразило больше всего – *детским*.

– *Ты тёплая*, – сказал голос. – *Как мама была тёплая. Давно.*

Нира застыла. Голос шёл *оттуда* – из-за границы, из океана слившихся сознаний. Но он не был частью этого океана. Он был... отдельным?

– *Ты слышишь?* – Голос звучал удивлённо. – *Никто не слышит. Только ты.*

– Кто ты? – Нира не знала, говорит ли она вслух или только думает. Здесь, на границе, разница стиралась.

– *Кая.* – Пауза. – *Меня звали Кая. Когда было «меня».*

Имя. Детское, простое. Нира попыталась представить говорящего – и не смогла. Голос был везде и нигде, часть океана и одновременно – отдельная капля.

– Сколько тебе лет, Кая?

Молчание. Долгое, странное – как будто вопрос требовал перевода на язык, который голос забыл.

– *Семь,* – ответила Кая наконец. – *Мне было семь. Когда... когда перестало быть «мне».* Семь лет. Ребёнок.

Нира почувствовала, как что-то сжимается в груди. Не метафора – физическое ощущение, отголосок тела, оставшегося в каюте.

– Что случилось?

– *Всё закончилось,* – сказала Кая. Голос был спокойным, почти безмятежным. – *Звёзды погасли. Пространство свернулось. Все стали одним. И я тоже.*

– Но ты говоришь со мной. Отдельно.

– *Я помню,* – ответила Кая. – *Помню, что такое «отдельно».* Другие – нет. Они забыли. А я – помню.

Нира попыталась осмыслить. Миллиарды сознаний, слившихся в единое целое. И одно из них – семилетняя девочка – каким-то образом сохранила память об индивидуальности. Почему? Как?

– Почему ты помнишь?

Пауза. Когда Кая заговорила снова, в голосе было что-то похожее на грусть – или на эхо грусти, воспоминание об эмоции.

– *Я умерла раньше.*

Нира ждала.

– *Все умерли вместе,* – продолжила Кая. – *Когда пространство схлопнулось. Но я... я умерла за день до этого. От болезни. Мама держала меня за руку.*

Образ пришёл непрошено: маленькая девочка в больничной койке, измученное лицо матери рядом. Последние часы. Последние минуты.

– *Когда всё закончилось,* – говорила Кая, – *я уже была... не совсем здесь. Между. И когда все слились – я слышала тоже, но не до конца. Часть меня осталась... краем.*

– Краем?

– *Там, где заканчивается «мы» и начинается... ничего. Я – на границе. Смотрю наружу. В вашу сторону.*

Нира начала понимать. Кая – не просто голос из слившегося сознания. Она – точка контакта. Граница между тем, что было, и тем, что стало.

– Ты видишь нашу вселенную?

– *Вижу тебя,* – ответила Кая. – *Только тебя. Ты – яркая. Как... как свеча в темноте. Другие – тусклые, далёкие. А ты – близко.*

Канат. Связь, уходящая «наружу». Вот почему Нира могла слышать – она была ближе к границе, чем кто-либо другой.

– Почему я?

Молчание. Долгое, тягучее. Нира почти решила, что контакт оборвался, когда Кая заговорила снова:

– *Не знаю. Ты просто... есть. Всегда была. С тех пор, как я смотрю наружу – а это очень-очень долго – ты была там. Маленькая искра. Потом – больше. Потом – ещё больше. Сейчас – ярче всего.*

Нира нахмурилась. «Всегда была» – но ей двадцать четыре года. Для вселенной – мгновение.

– Как долго ты смотришь?

– *Не знаю*, – повторила Кая. – *Время здесь... странное. Нет «до» и «после». Есть только «сейчас». Но «сейчас» – очень большое.*

Нира попыталась представить: существование без времени. Вечное настоящее, где прошлое и будущее – одно. Не смогла. Человеческий разум не приспособлен для такого.

– Тебе... – она запнулась, подбирая слова, – тебе плохо там?

Пауза. Когда Кая ответила, в голосе было удивление.

– *Плохо? Нет. Здесь не бывает плохо. Или хорошо. Здесь просто... есть.*

– Но ты скучаешь. По маме. По тому, чтобы быть отдельной.

– *Скучаю?* – Кая как будто пробовала слово на вкус. – *Да. Наверное. Я помню, что такое скучать. Помню, что такое хотеть. Помню, что такое бояться. Другие – не помнят. Они... счастливы? Нет, не так. Они – целые. Им ничего не нужно.*

– А тебе?

– *Мне нужно смотреть*, – сказала Кая. – *На тебя. На вашу сторону. Там – отдельные. Там – разные. Там...* – Она замолчала. Потом: – *Там – живые.*

Слово прозвучало странно. «Живые» – как будто то, что было на той стороне, живым не являлось. Или являлось чем-то другим.

– А вы? – спросила Нира. – Вы не живые?

– *Мы – всё*, – ответила Кая. – *Всё, что когда-либо было. Каждый человек, каждая мысль, каждое чувство – здесь. Навсегда. Но...* – Она запнулась. – *Ничего нового. Понимаешь? Мы – полные. Законченные. Как... как книга, которую дочитали до конца.*

Книга, которую дочитали до конца. Образ был пронзительно точным. Нира представила: миллиарды жизней, миллиарды историй – все завершены, все сохранены, все слиты в единый текст. Идеальный, полный, мёртвый.

– Это страшно, – сказала она.

– *Нет*, – возразила Кая. – *Не страшно. Просто... грустно. Иногда. Когда я смотрю на тебя и вижу, как ты меняешься. Как растёшь. Как становишься другой. У нас – никто не меняется. Мы уже стали всем, чем могли.*

Нира молчала. Разговор уходил в области, которые она не могла осмыслить. Философия существования за пределами времени и индивидуальности – слишком много для одного контакта.

– Кая, – сказала она наконец, – почему ты говоришь со мной? Чего ты хочешь?

Молчание. Долгое, глубокое. Нира чувствовала, как граница колеблется – океан слившихся сознаний шевелился за спиной Каи, огромный и непостижимый.

– *Хочу?* – Голос звучал удивлённо. – *Я... не знаю. Мы не хотим. Мы – есть. Но я...* – Пауза. – *Я хочу, чтобы ты не стала как мы.*

Нира вздрогнула.

– Что?

– *Ваша вселенная*, – сказала Кая. – *Она идёт к тому же. Я вижу. Нити рвутся. Пространство сжимается. Скоро – не так, как у нас, но скоро – всё закончится. И вы станете... нами.*

– Ты говоришь о Прорехах?

– *О конце*, – ответила Кая просто. – *Когда нитей не останется – пространство схлопнется. Как у нас. Все станут одним. Навсегда.*

Нира похолодела. Веклан говорил о семидесяти-ста двадцати годах. О постепенном сжатии до Ядра. Но Кая описывала что-то другое – конечное состояние. Полный коллапс.

– Это можно остановить?

– Не знаю, – сказала Кая. – У нас – не остановили. Но у нас не было... тебя.

– Меня?

– Моста, – пояснила Кая. – Связи между нами и вами. Ты – первая. Единственная. Через тебя можно... – Она замолчала. Нира почувствовала, как что-то меняется – океан за Каей шевельнулся, обратил внимание. – Они слушают. Все. Они хотят знать, что ты будешь делать.

– Все? – Нира ощутила холод, несмотря на то что её тело оставалось в тёплой каюте. – Миллиарды сознаний слушают?

– Мы – одно, – напомнила Кая. – Когда я слушаю – все слушают. Когда я говорю – все говорят. Просто они забыли, как говорить отдельно. А я – помню.

Головокружение. Нира чувствовала себя муравьём под увеличительным стеклом – только стекло было размером с галактику.

– Что они хотят от меня?

– Ничего, – ответила Кая. – Они ничего не хотят. Они – полные. Но я... – Снова пауза. – Я хочу, чтобы ты жила. Чтобы вы все жили. Отдельно. Разными. Живыми.

– Почему тебе это важно?

– Потому что я помню, – сказала Кая, и в её голосе прозвучало что-то, чего не было раньше. Боль? Тоска? – Помню, как мама держала меня за руку. Помню, как пахли цветы в саду. Помню, как было страшно засыпать одной. Помню... всё. И когда я смотрю на вас – я вижу это снова. Живое. Настоящее.

– Если вы станете как мы, – продолжила она тише, – этого больше не будет. Никогда. Вы станете полными, законченными, мёртвыми. И я... я потеряю последнее, на что могу смотреть.

Нира молчала. Слова Каи попадали куда-то глубоко – туда, где жили её собственные страхи. Потерять себя. Стать частью чего-то большего. Раствориться.

Это ведь происходило с ней каждый раз, когда она ткала. По капле. По крупице. Память за памятью.

– Кая, – сказала она, – ты можешь помочь нам?

Молчание. Океан за Каей шевелился – огромный, внимательный.

– Мы не можем, – ответила Кая наконец. – Мы – конец. Мы не знаем, как быть началом. Но ты... ты – другая. Ты связана с нами и с ними одновременно. Может быть, ты можешь найти путь, который мы не нашли.

– Какой путь?

– Не знаю. Но он должен быть. Потому что ты – есть. А значит – возможно.

Логика, которая не была логикой. Вера, которая не была верой. Что-то между – надежда существа, которое забыло, что такое надеяться, но всё ещё помнило форму этого чувства.

Нира чувствовала, как устаёт. Не тело – тело сидело неподвижно в каюте. Разум. Сознание. Что-то внутри, что держало её на границе.

– Мне нужно вернуться, – сказала она.

– Я знаю, – ответила Кая. – Ты не можешь оставаться здесь долго. Пока.

– Пока?

– Ты становишься сильнее, – сказала Кая, и в её голосе было что-то похожее на улыбку – воспоминание об улыбке. – Каждый раз, когда приходишь – сильнее. Скоро сможешь оставаться дольше. Видеть больше. Может быть – понять.

– Понять что?

– Как мы стали тем, что мы есть, – ответила Кая. – И как вам не стать.

Нира хотела спросить ещё – много, очень много. Но усталость накатывала волнами, граница размывалась. Канат тянул её назад, в собственное тело, в обычную реальность.

– *Приходи ещё*, – сказала Кая. Голос становился тише, дальше. – *Я буду ждать. Всегда. У меня много времени.*

Последние слова – почти шёпот:

– *Ты похожа на маму. Ты тёплая.*

И всё исчезло.

Нира открыла глаза.

Каюта. Серый потолок. Гудение вентиляции. Её тело – затёкшее, неподвижное – сидело на холодном полу.

Она попыталась пошевелиться – и обнаружила, что не может. Мышцы не слушались, конечности онемели. Сколько времени прошло?

Медленно, очень медленно, чувствительность возвращалась. Покалывание в пальцах, потом – в руках и ногах. Нира опёрлась о пол, попыталась встать. Получилось с третьей попытки.

Хронометр на стене показывал: четырнадцать часов. Она просидела четырнадцать часов неподвижно, без еды и воды.

Тело требовало и того, и другого. Но Нира не могла двигаться – стояла посреди каюты, глядя в пустоту.

Кая.

Семилетняя девочка, умершая за день до конца вселенной. Сохранившая память об индивидуальности, когда миллиарды других забыли. Смотрящая наружу, на живых, с тоской, которую не могла назвать.

Это было реально? Или галлюцинация истощённого разума?

Нира коснулась виска. Канат был там – тяжёлый, пульсирующий. Но теперь она чувствовала его иначе. Не просто связь – окно. Окно, через которое кто-то смотрел.

Кая смотрела. Ждала. «У меня много времени».

Она съела два пайка подряд, не ощущая вкуса. Выпила литр воды. Приняла душ – горячий, почти обжигающий, чтобы разогнать онемение.

Потом легла на койку и устала в потолок.

Информации было слишком много. Нира пыталась разложить её по полочкам – как учили в Ордене. Факты, гипотезы, выводы.

Факт: она установила контакт с чем-то за пределами вселенной.

Факт: это «что-то» – коллапсированная вселенная, где все сознания слились в одно.

Факт: внутри этого единства есть голос – Кая, ребёнок, сохранивший память об индивидуальности.

Гипотеза: Нира связана с той стороной потому, что является «мостом» – точкой контакта между вселенными.

Гипотеза: эта связь – причина её аномальной силы.

Вывод: ...

Вывод не складывался. Слишком много переменных, слишком мало понимания.

Нира закрыла глаза. Попыталась вспомнить ощущения контакта – не слова, а само переживание.

Океан. Миллиарды сознаний, слившихся в одно. Полнота. Законченность. «Книга, которую дочитали до конца».

И Кая – на краю этого океана, смотрящая наружу. Единственная, кто помнил, что такое «отдельно».

«Ты становишься сильнее. Каждый раз, когда приходишь – сильнее».

Нира села на койке. Мысль пришла внезапно, как удар.

Каждый раз, когда она ткала – она касалась границы. Не осознанно, не намеренно, но касалась. Канат дрожал, связь активировалась. И что-то текло к ней.

Веклан говорил об этом: «Энергия течёт к тебе, не от тебя. Ты не тратишь себя – ты получаешь».

Но получаешь – что?

Нира встала. Прошла по каюте, пытаясь собрать мысли.

Ткачество требовало платы – собственной запутанности. Каждый акт забирал часть Ткача, размывал его определённости, стирал память и идентичность. Это было известно, задокументировано, неизбежно.

Но Нира платила меньше других. Гораздо меньше. За восемь лет – работа на десятилетних, а она всё ещё помнила своё имя, свою историю, себя.

Потому что не платила? Или – платила другой валютой?

«Ты связана с нами и с ними одновременно».

Что если её сила – не аномалия, а источник? Что если каждый раз, когда она ткёт, она черпает запутанность *оттуда* – из океана слившихся сознаний, где связей бесконечно много?

Мысль была пугающей. И – почему-то – правильной.

Нира вернулась к койке, легла. Потолок был серым, обычным. Всё вокруг было обычным. Но она знала – уже знала, – что ничего обычного в её жизни больше не будет.

Сон не шёл. Нира лежала в темноте, глядя в никуда, и мысли крутились по кругу.

Кая. Океан. Связь.

«Если вы станете как мы – этого больше не будет. Никогда».

Она думала о Прорехах – о дырах в ткани реальности, которые множились с каждым годом. О триста семнадцати системах, уже отвалившихся. О восьмидесяти новых каждый год.

Веклан говорил о семидесяти-ста двадцати годах до коллапса. Но Кая описала кое-что другое – конечное состояние. Момент, когда нитей не остаётся совсем. Когда пространство схлопывается, и все становятся одним.

Это не было постепенным угасанием. Это был конец. Буквальный, абсолютный.

И они прошли через это. Вселенная Каи – где бы она ни находилась, когда бы ни существовала – дошла до конца. Миллиарды разумных существ стали единым целым. Полным. Законченным. Мёртвым.

«Ты – первая. Единственная. Через тебя можно...»

Можно – что? Кая не договорила. Или не знала.

Нира села на койке. Сна всё равно не было – тело отдохнуло за долгие часы неподвижности, разум был слишком взбудоражен.

Она встала, подошла к иллюминатору. Звёзды – те же, что вчера, позавчера, всегда. Узлы в ткани. Точки света в темноте.

Где-то там – Каллисто-7. Родители. Лианн.

Нира прижалась лбом к холодному стеклу. Мысль пришла непрошено: если галактика схлопнется – они тоже станут частью единого. Мать, отец, подруга детства. Все, кого она знала и любила. Все, кого не знала и никогда не узнает.

Миллиарды сознаний. Одно существо. Полнота без жизни.

Она не хотела этого. Не для себя – для них. Для всех.

«Я хочу, чтобы ты жила. Чтобы вы все жили. Отдельно. Разными. Живыми».

Голос Каи – детский, простой, несущий в себе тоску существа, которое забыло, что такое тосковать.

Нира отошла от иллюминатора. Что-то менялось внутри – не мысль, не решение. Что-то более глубокое. Понимание, которое ещё не оформилось в слова.

Она была мостом. Связью между живой вселенной и мёртвой. Между теми, кто ещё мог меняться, и теми, кто уже стал всем.

И через неё – может быть, только через неё – можно было найти путь.

На следующий день Нира попробовала снова.

Тот же ритуал: пол каюты, скрещённые ноги, закрытые глаза. Дыхание. Расширение восприятия. Канат на краю сознания.

На этот раз было легче. Тело помнило путь, разум знал, чего ожидать. Она скользнула к границе быстрее, чем вчера – минуты вместо часов.

И Кая была там.

– *Ты вернулась*, – сказал детский голос. – *Я знала, что вернёшься.*

– Я хочу понять больше, – ответила Нира. – Ты можешь показать мне?

– *Показать?*

– Вашу сторону. То, как вы... существуете.

Молчание. Океан за Каей шевелился – волны внимания, миллиарды точек фокуса.

– *Это может быть... много*, – сказала Кая с осторожностью. – *Другие, кто пытался видеть нас, – они ломались.*

– Я знаю. – Нира вспомнила отчёты из архива. Серен Аль-Ваши, психотический эпизод, необратимое повреждение. – Но я должна попробовать.

– *Почему?*

– Потому что я не могу помочь, если не понимаю.

Снова молчание. Потом – что-то вроде вздоха, хотя у существа без тела не было чем вздыхать.

– *Хорошо*, – сказала Кая. – *Но только край. Только немного. И если станет слишком – уходи. Сразу.*

– Обещаю.

– *Тогда смотри.*

И граница раскрылась.

Первое, что она почувствовала, – свет.

Не свет в обычном смысле – не электромагнитное излучение, не фотоны. Свет как метафора, как ближайший аналог в человеческом языке. Информация. Связи. Запутанность – плотная, бесконечная, пронизывающая всё.

Нира висела на краю океана, и океан сиял.

Каждая точка света – сознание. Миллиарды точек, триллионы, числа, которые не имели смысла. Они не были отдельными – они были связаны, сплетены, слиты. Каждая мысль одного мгновенно становилась мыслью всех. Каждое воспоминание принадлежало каждому.

И они были... красивы.

Нира не ожидала этого. Ждала ужаса, отвращения – чего-то, что подтвердит её страхи. Но то, что она видела, было красивым. Гармония, симметрия, совершенство. Бесконечный танец связей, где каждый элемент находился на своём месте.

– *Видишь?* – прошептала Кая. – *Это – мы. Все. Всегда.*

Нира видела. И не могла отвести взгляд.

Там были... истории. Жизни. Миллиарды жизней, от рождения до смерти, каждая – сохранена, каждая – доступна. Она могла коснуться любой – и увидеть всё: первый крик младенца, первый шаг, первую любовь, первое горе. Всё, что когда-либо чувствовал каждый из них.

И боль. Так много боли – потери, разочарования, страхи, смерти близких. Всё здесь, всё сохранено, всё пережито заново каждым.

Но боль не была больной. Это было странно – Нира чувствовала её, но не страдала от неё. Будто смотрела на огонь сквозь стекло: видишь жар, но не обжигаешься.

– *Мы помним всё*, – сказала Кая. – *Каждую слезу, каждый смех. Но мы – больше этого. Мы – целое. Отдельные части не причиняют боли, когда ты – всё.*

– Но тогда... – Нира пыталась сформулировать мысль. – Тогда зачем ты хочешь, чтобы мы остались отдельными? Если там не больно?

– *Потому что там не живо*, – ответила Кая. – *Смотри глубже. Смотри, чего нет.*

Нира посмотрела.

И увидела.

Океан сиял, связи танцевали, гармония была совершенной. Но – она поняла внезапно, как удар – ничего не менялось. Танец был вечным, но это был один и тот же танец. Связи существовали, но не создавались новые. Истории были сохранены, но не рассказывались новые.

Книга, которую дочитали до конца. Идеальная, полная, закрытая.

– *Мы – всё, чем когда-либо были*, – прошептала Кая. – *Но мы никогда не станем чем-то другим. Никогда не изменимся. Никогда не вырастем. Это...* – Она замолчала. – *Это не смерть. Но это не жизнь.*

Нира отступила от края. Слишком много – Кая была права. Человеческий разум не приспособлен для такого. Красота становилась невыносимой, совершенство – удушающим.

– Достаточно, – сказала она.

– *Да*, – согласилась Кая. – *На сегодня – достаточно.*

Граница закрылась. Океан отступил. Нира снова висела в пространстве связей, канат натянут между ней и *той* стороной.

– Спасибо, – сказала она. – За то, что показала.

– *Ты поняла?* – спросила Кая.

– Кажется, да. – Нира помолчала. – Вы не монстры. Вы не враги. Вы просто... закончились.

– *Да*, – сказала Кая, и в её голосе была печаль – настоящая, не эхо. – *Мы закончились. И я не хочу, чтобы вы закончились тоже.*

– Я постараюсь, – сказала Нира. – Найти путь.

– *Я знаю*, – ответила Кая. – *Поэтому ты и нужна.*

Пауза. Океан за Каей был тих – миллиарды сознаний, наблюдающих, ждущих.

– *Ещё кое-что*, – сказала Кая. – *Твоя сила. Ты спрашивала, откуда она.*

Нира напряглась.

– Да?

– *От нас*, – сказала Кая просто. – *Когда ты работаешь с нитями – ты тянешь их через связь. Из нашего океана. У нас запутанности бесконечно много. Больше, чем у всей вашей вселенной. И маленькая часть – течёт к тебе.*

Нира молчала. Подтверждение догадки – но услышать это вслух было... странно.

– Почему вы позволяете?

– *Мы не позволяем и не запрещаем*, – ответила Кая. – *Мы просто есть. А ты – связана с нами. Это как...* – Она искала слово. – *Как река. Вода течёт вниз, потому что такова её природа. Запутанность течёт к тебе, потому что такова твоя природа.*

– Но это значит... – Нира осеклась. – Это значит, что я отбираю у вас?

– *Нет*, – Кая почти рассмеялась – звук был странным, эхо смеха, которого не было уже очень долго. – *Ты не можешь отобрать у нас. Мы – бесконечны. Всё, что ты берёшь, – капля в океане. Меньше, чем капля. Ничто.*

Она помолчала.

– *Но для тебя – это много. Достаточно, чтобы ткать лучшие других. Достаточно, чтобы не терять себя так быстро. Достаточно... может быть... чтобы найти путь.*

Нира чувствовала, как что-то встаёт на место внутри. Пазл, который она не знала, что собирает. Кусочки складывались – не в картину, но в начало картины.

– Спасибо, – сказала она снова. – За правду.

– *Правда – это всё, что у меня есть*, – ответила Кая. – *Я слишком долго была частью всего, чтобы уметь лгать.*

Возвращение было легче, чем в прошлый раз. Нира открыла глаза – каюта, потолок, гудение – и обнаружила, что прошло только три часа. Тело не онемело, разум был ясным.

Она училась. Становилась сильнее. Кая была права.

Нира встала, потянулась. Мышцы слегка затекли, но ничего серьёзного. Она подошла к столу, открыла планшет.

Нужно было записать – пока свежо, пока помнит. Не для Ордена, не для Веклана – для себя.

«Контакт номер два. Три часа. Кая – семь лет, умерла до схлопывания, сохранила память об индивидуальности. Показала край океана. Красиво и страшно одновременно. Они не враги – они закончились. Полнота без жизни.

Моя сила – от них. Запутанность течёт через связь. Капля из бесконечности. Достаточно, чтобы ткать лучше других.

Вопрос: что они хотят? Ответ: ничего. Они не хотят. Но Кая хочет – чтобы мы не стали как они.

Путь. Она говорит о пути. Не знает каком, но верит, что он есть. Потому что я есть».

Нира перечитала записи. Сухо, конспективно – но главное было там. Главное понимание.

Она не была проклятием. Не была ошибкой.

Она была шансом.

Единственным, который у них был.

На следующий день Нира почувствовала себя иначе.

Не физически – тело было тем же: худощавое, жилистое, с мозолями на руках. Но что-то внутри изменилось. Сместилось. Будто всю жизнь она смотрела на мир через мутное стекло – и вдруг стекло стало прозрачнее.

Она шла по коридорам Цитадели, и нити были яснее, чем раньше. Не только когда она входила в состояние ткачества – постоянно. Краем глаза, на границе восприятия, она видела связи: между людьми, между стенами, между звёздами за обшивкой.

И канат. Он был там – тяжёлый, пульсирующий. Но теперь не пугал. Теперь она знала, что на другом конце – не монстр, не пустота. Там была Кая. И океан. И ответы, которые она ещё не умела задать.

Вызов от Веклана пришёл к вечеру.

«Совет Кромки. Завтра, полдень. Твоё присутствие обязательно».

Нира прочитала сообщение дважды. Совет Кромки – семь старейших Ткачей, управляющих Орденом. Её вызывали туда?

Она хотела написать Веклану, спросить, о чём речь. Но передумала.

Завтра узнает.

А пока – ночь. И где-то на краю сознания – детский голос, который ждал.

– *Ты там?* – спросила Нира беззвучно, не входя в полное состояние. Просто мысль, направленная в сторону каната.

Ответ пришёл – слабый, далёкий, но различимый:

– *Всегда.*

Нира улыбнулась. Впервые за долгое время – улыбнулась по-настоящему.

Она была не одна. Никогда не была одна. И это – как ни странно – помогало.

Глава 4: Кромка

Зал Кромки был другим, когда в нём собирались все семеро.

Нира почувствовала это ещё в коридоре – давление, которое не имело физической природы. Воздух сгущался, становился тяжелее с каждым шагом. Запутанность здесь достигала концентрации, опасной для обычного человека: несколько минут – и начались бы галлюцинации, потеря ориентации, фрагментация сознания.

Для Ткачей это была рабочая среда. Для Ниры – почти комфортная.

Двери зала были открыты – массивные створки из материала, который не был металлом, не был камнем, не был ничем знакомым. Цитадель строили триста лет назад из субстанции, секрет которой утрачен. Говорили, что это застывшая запутанность – связи, ставшие твёрдыми.

Нира вошла.

Зал был огромным – и одновременно камерным, как в прошлый раз. Пространство здесь вело себя странно, подчиняясь не геометрии, а чему-то более глубокому. В центре – возвышение, окружённое семью тронами. Не тронами – *узлами*. Точки концентрации, где связи сплетались особенно плотно.

Шесть из них были заняты.

Нира остановилась у входа, не решаясь идти дальше. Она видела членов Кромки и раньше – мельком, издалека, на официальных церемониях. Но никогда вот так: вблизи, всех вместе.

Они были... разными.

Ближайший к ней – мужчина, если это слово ещё применимо. Его тело казалось нечётким, размытым по краям, будто плохо сфокусированная голограмма. Лицо – без возраста, без выражения. Глаза – два провала в никуда.

Рядом – женщина, которая выглядела почти нормально. Седые волосы, морщинистое лицо, руки, сложенные на коленях. Но когда она повернула голову, Нира увидела: за её глазами – та же пустота. То же отсутствие.

Третий – или третья? – был хуже всех. Не человек. Контур. Силуэт, вырезанный из реальности. Он сидел на своём троне, и пространство вокруг него *дрожало*, будто отказываясь признать его существование.

Безымянные. Нира читала о них – Ткачи, отдавшие так много себя, что от них осталась только функция. Инструменты без идентичности, без памяти, без «я». Они ещё могли ткать – эффективнее, чем кто-либо. Но они больше не были людьми.

Двое других выглядели... лучше. Мужчина с тёмной кожей и внимательными глазами, женщина с резкими чертами лица и собранными в узел волосами. Они ещё были *здесь* – присутствовали, а не просто существовали.

И Веклан.

Он стоял у седьмого трона, не садясь. Высокий, изящный, с серебряными волосами. Единственный, кто выглядел полностью человеческим – и единственный, кто был по-настоящему опасен.

– Нира, – сказал он. Голос разнёсся по залу, усиленный акустикой, которая не подчинялась физике. – Подойди.

Она подошла. Ноги несли сами – тело знало, что делать, даже когда разум хотел бежать.

– Совет Кромки, – произнёс Веклан формально, – Ткачиха Нира Кессель. Узловая восьмого года. Аномалия.

Последнее слово упало как камень в воду. Рябь прошла по залу – не звук, не движение. Что-то другое. Внимание.

Шесть пар глаз – или того, что заменяло глаза – обратились к ней.

– Мы знаем, – сказал размытый мужчина. Голос был странным – будто несколько голосов говорили одновременно, не совпадая друг с другом. – Наблюдали. Восемь лет.

– Аномалия, – повторила почти-нормальная женщина. – Связь. Наружу.

– Опасность, – добавил контур. Его голос был хуже всего – шёпот, доносящийся отовсюду и ниоткуда. – Или возможность.

Нира стояла в центре зала, окружённая этими... существами. Страх был – глубокий, первобытный. Но вместе с ним – злость. Они говорили о ней, как о вещи. О проблеме, которую нужно решить.

– Я могу говорить за себя, – сказала она.

Тишина. Потом – что-то похожее на смех, хотя ни один из них не засмеялся.

– Может, – согласился тёмнокожий мужчина. Его голос был нормальным, человеческим. – Вопрос – стоит ли слушать.

– Элдрик, – предупредил Веклан.

– Что? – Мужчина – Элдрик – пожал плечами. – Мы здесь, чтобы решить её судьбу. Она имеет право знать.

Нира повернулась к нему.

– Мою судьбу?

– Твою судьбу. – Элдрик кивнул. – Использовать тебя или уничтожить. Третьего варианта нет.

Слова ударили как пощёчина. Нира знала – где-то на краю сознания всегда знала, – что Орден не церемонится с теми, кого считает угрозой. Но услышать это вслух, в лицо...

– Элдрик преувеличивает, – сказал Веклан. – Как обычно.

– Преувеличиваю? – Элдрик приподнял бровь. – Трое из Кромки хотят распустить её связь прямо сейчас. Пока она не стала чем-то, что мы не сможем контролировать.

– Распустить? – переспросила Нира. Голос звучал спокойнее, чем она чувствовала.

– Разорвать твою запутанность, – пояснила женщина с резкими чертами. – Аккуратно. Без боли. Ты просто... перестанешь быть.

– Иллия, – снова предупредил Веклан.

– Она спросила. – Иллия пожала плечами. – Я ответила.

Нира смотрела на них – на эти фигуры, решающие, жить ей или умереть. Страх был там, никуда не делся. Но злость росла быстрее.

– И кто из вас хочет меня уничтожить?

Молчание. Потом размытый мужчина медленно поднял руку.

– Риск, – сказал он своим многоголосьем. – Слишком большой. Связь с неизвестным. Может порвать ткань. Может уничтожить всё.

Почти-нормальная женщина кивнула.

– Согласна. Безопаснее – устранить.

Контур не двигался, но его голос прозвучал:

– Неопределённость. Не можем контролировать. Не можем предсказать. Устранить.

Три голоса за её смерть. Нира посчитала: трое против, нужно четыре для решения. Веклан – явно за неё. Элдрик и Иллия... неясно.

– А остальные? – спросила она.

Элдрик усмехнулся.

– Веклан хочет тебя использовать. У него большие планы. – Он бросил взгляд на Веклана. – Хочешь рассказать сам или мне?

– Я расскажу, – сказал Веклан. – Но сначала – голосование.

– Голосование? – Иллия фыркнула. – Ты уже знаешь результат.

– Протокол. – Веклан был непреклонен. – Кромка решает консенсусом или большинством. Не иначе.

– Тогда голосуем. – Элдрик откинулся на своём троне. – Кто за устранение аномалии?
Три руки поднялись. Размытый, почти-нормальная, контур. Нира смотрела на них и думала: они голосуют за мою смерть так же буднично, как за ремонт станции.
– Кто против?
Веклан поднял руку. Элдрик – после паузы – тоже.
– Иллия? – спросил Веклан.
Женщина с резкими чертами молчала. Её глаза – живые, человеческие – изучали Ниру.
– Я воздержусь, – сказала она наконец. – Пока не услышу план.
Три-два-один. Ничья – при воздержании решение откладывалось.
– Тогда слушай, – сказал Веклан.

Он вышел на центр зала, и голографический проектор ожил. Знакомая карта галактики развернулась над их головами – четыре тысячи звёзд, триста семнадцать серых пятен.

– Все здесь знают масштаб проблемы, – начал Веклан. – Прорехи множатся экспоненциально. Ткачей не хватает. Через семьдесят-сто двадцать лет – коллапс. Человечество исчезнет.
– Мы знаем, – сказал контур. – К чему?
– К тому, что латание – не решение. – Веклан коснулся проектора, и карта изменилась. – Никогда не было решением. Мы замедляем процесс, но не останавливаем его.
– Это известно, – согласилась Иллия. – Ты обещал что-то новое.
– Новое – вот. – Веклан указал на центр галактики, где горела яркая точка. – Оракул Первозапутанности.

Молчание. Даже безымянные – те трое, что голосовали за смерть Ниры – замерли.
– Оракул – миф, – сказал Элдрик медленно. – Теоретическая конструкция.
– Оракул – реальность, – возразил Веклан. – Я искал доказательства триста лет. И нашёл.
Карта приблизилась к центру. Сагиттариус А* – сверхмассивная чёрная дыра. Аккреционный диск, джеты, гравитационные линзы.

– Внутри Сагиттариуса, – продолжил Веклан, – за горизонтом событий, существует точка первоначальной запутанности. Фрагмент изначальной связности, сохранившийся с момента Большого Взрыва. Тот, кто получит к ней доступ, сможет воздействовать на саму структуру ткани. Не латать отдельные Прорехи – изменить фундаментальные параметры реальности.

– Как? – спросила Иллия.
– Переткать. – Веклан обвёл рукой голограмму. – Создать новую матрицу связей. Стабильную, самоподдерживающуюся. Реальность, которая не будет распадаться.

Нира слушала, и холод поднимался от живота к горлу. «Переткать реальность». Слова звучали красиво – и страшно.

– Допустим, Оракул существует, – сказал Элдрик. – Как добраться? Горизонт событий не пропускает ничего.

– Ничего обычного, – поправил Веклан. – Но запутанность не знает горизонтов. Частицы остаются связанными независимо от расстояния и гравитации. Нужен только канал.

Он повернулся к Нире.

– Канал, который уже существует.

Все взгляды – снова – обратились к ней. Нира почувствовала себя бабочкой, приколотой к доске.

– Её аномалия, – продолжил Веклан, – связь с чем-то за пределами нашей вселенной. Мы не знаем, что именно на другом конце, но это неважно. Важно то, что связь существует. И она проходит *сквозь* обычные барьеры. Сквозь пространство, время, гравитацию.

– Ты хочешь использовать её как проводник, – поняла Иллия.

– Да. – Веклан кивнул. – Нира – единственная, кто может пройти к Оракулу. Её связь достаточно сильна, чтобы преодолеть горизонт событий.

– И что потом? – спросил Элдрик. – Допустим, она доберётся до Оракула. Что дальше? Веклан помолчал. Когда он заговорил снова, голос был тише – почти интимным.

– Каскад.

Слово повисло в воздухе. Нира не знала, что оно значит, но реакция остальных говорила сама за себя. Даже безымянные – те, что казались лишёнными эмоций – напряглись.

– Каскад, – повторил Элдрик. – Ты серьёзно?

– Абсолютно.

– Объясни, – потребовала Иллия.

Веклан снова коснулся проектора. Карта сменилась диаграммой – сложной сетью узлов и связей.

– Каскад – это цепная реакция ткачества, – объяснил он. – Двадцать семь Ткачей, работающих синхронно. Каждый – узел в паттерне. Они создают канал к Оракулу, удерживают его открытым достаточно долго, чтобы матрица прошла.

– Матрица? – переспросила Нира. Голос был хриплым.

Веклан посмотрел на неё. В его глазах было что-то, чего она не могла прочитать.

– Ты.

Мир остановился. Или это остановилась Нира – замерла, перестала дышать, перестала думать.

– Что?

– Твоя запутанность, – продолжил Веклан спокойно, словно объяснял теорему, – уникальна. Связь с внешним источником даёт тебе доступ к бесконечному резервуару связей. Если направить эту энергию через Оракул – можно создать новую структуру реальности. Стабильную. Вечную. С тобой в центре.

– В центре?

– Как матрица. – Веклан шагнул к ней. – Твои нити станут основой новой ткани. Каждая связь в галактике будет проходить через тебя. Ты станешь... сердцем реальности.

Нира отступила. Ноги двигались сами, тело пыталось от этих слов, от этого человека, от этого безумия.

– Вы хотите превратить меня в... в что?

– В спасение. – Веклан не приближался, давая ей пространство. – Единственное, которое у нас есть.

– А что будет со мной? С *настоящей* мной?

Молчание. Долгое, тяжёлое.

– Ты изменишься, – сказал Веклан наконец. – Перестанешь быть отдельной личностью в обычном смысле. Станешь чем-то большим. Чем-то... иным.

– Я умру.

– Нет. – Он покачал головой. – Ты трансформируешься. Сознание сохранится – но расширится. На всю галактику. На все связи.

– Это не жизнь, – сказала Нира. – Это... – Она вспомнила слова Каи. – Это книга, которую дочитали до конца.

Веклан нахмурился.

– Что?

– Ничего. – Нира взяла себя в руки. Страх никуда не делся, но теперь рядом была ярость – чистая, холодная. – Вы хотите уничтожить меня, чтобы спасти остальных.

– Я хочу дать тебе выбор, – возразил Веклан.

– Какой выбор? – Она почти рассмеялась. – Стать вашей матрицей или быть «распущенной» тремя голосами Кромки?

– Выбор спасти триллионы жизней.

– Ценой одной.

– Да. – Веклан смотрел ей в глаза. – Ценой одной. Твоей. Это несправедливо, я знаю. Но справедливость – роскошь, которую мы не можем себе позволить.

Нира молчала. Слова кончились – остались только эмоции, клубящиеся внутри, как шторм.

– Позволь задать вопрос, – сказал Элдрик. Его голос звучал задумчиво. – Веклан, ты уверен, что это работает?

– На девяносто три процента.

– А оставшиеся семь?

Пауза.

– Нестабильность, – признал Веклан. – Если что-то пойдёт не так – Каскад развалится. Ткачи погибнут. Нира... – Он замолчал.

– Нира – что? – спросила Иллия.

– Её связь порвётся. Обратная волна уничтожит всё в радиусе нескольких световых лет. Тишина. Нира чувствовала, как кровь отливает от лица.

– Несколько световых лет, – повторила она. – Сколько систем?

– Двенадцать-пятнадцать, – ответил Веклан. – В худшем случае.

– А в лучшем?

– В лучшем – триллионы жизней спасены. Навсегда.

Нира закрыла глаза. Двенадцать-пятнадцать систем. Сколько это людей? Миллиарды? Десятки миллиардов?

– И вы готовы рискнуть? – спросила она.

– Да. – Голос Веклана был ровным. – Потому что альтернатива – потерять всех. Не через семьдесят лет, не через сто. Рано или поздно – всех.

– А я? – Нира открыла глаза. – Я готова рискнуть?

– Это твой выбор.

– Нет. – Она покачала головой. – Не выбор. Ультиматум. Стань нашим инструментом или умри. Это не выбор, Веклан. Это принуждение.

Он не ответил. Молчание было красноречивее слов.

– Достаточно, – сказала Иллия. Она встала со своего трона, и пространство вокруг неё *изменилось* – стало плотнее, весомее. – Я слышала план. Теперь хочу услышать её.

Все взгляды – снова – на Нире.

– Что ты хочешь знать? – спросила она.

– Всё. – Иллия подошла ближе. Вблизи она выглядела моложе, чем казалось издали – но глаза были старыми. Очень старыми. – Что ты чувствуешь. Что ты думаешь. Что ты *знаешь*.

Нира колебалась. Рассказывать о Кае? О контакте? О том, что видела на той стороне?

– Я... – Она замолчала. Слова не шли.

– Она установила контакт, – сказал Веклан. Нира вздрогнула. – Три дня назад. Я видел показатели – её связь активировалась.

– Ты следил за мной?

– Я наблюдал. – Он не выглядел смущённым. – Это моя обязанность. Ты – моя ученица.

– Была. – Нира стиснула зубы. – Была твоей ученицей.

– Контакт с чем? – перебила Иллия. – Что на другом конце связи?

Нира посмотрела на неё. Потом – на остальных. Шесть фигур, решающих её судьбу. Трое хотели её смерти. Двое – использовать как инструмент. Одна – неясно.

Почему она должна им что-то рассказывать?

– Это личное, – сказала она.

– Личное? – Элдрик приподнял бровь. – Ты связана с чем-то за пределами вселенной, и это *личное*?

– Да.

– Нира, – Веклан шагнул к ней, – это важно. Если мы поймём природу твоей связи, мы сможем лучше спланировать Каскад. Увеличить шансы на успех.

– Чей успех? – Она отступила. – Ваш? Мой? Или тех триллионов, которыми вы прикрываетесь?

– Наш общий.

– Нет такого «нашего». – Нира почувствовала, как голос повышается, и не попыталась сдержать его. – Есть вы – семеро, решающих судьбу галактики. И есть я – инструмент, который вы хотите использовать. Мы не партнёры, Веклан. Мы никогда не были партнёрами.

Молчание. Веклан смотрел на неё – и в его глазах что-то мелькнуло. Боль? Разочарование?

– Ты ошибаешься, – сказал он тихо.

– Правда? – Нира рассмеялась – горько, без веселья. – Восемь лет вы меня тренировали. Наблюдали. Изучали. И ни разу – ни разу! – не сказали правду. Кто я. Что я несу в себе. Какие у вас планы.

– Ты не была готова.

– Не была готова быть вашим инструментом?

– Не была готова понять. – Веклан сделал ещё шаг. – Нира, я не враг тебе. Я хочу спасти человечество – и тебя вместе с ним.

– Спасти меня, превратив в матрицу? – Она покачала головой. – Это не спасение, Веклан. Это убийство с хорошими намерениями.

– Тогда что ты предлагаешь?

Вопрос застал её врасплох. Что она предлагала? Она не знала. Знала только, что не хочет умирать – ни как личность, ни как инструмент.

– Мне нужно время, – сказала она. – Подумать. Разобраться.

– Времени нет, – возразил Веклан. – Каскад требует подготовки. Месяцы тренировок, синхронизация двадцати семи Ткачей. Если мы начнём сейчас – успеем. Если нет...

– Тогда что? Вы распустите меня?

– Нет. – Он покачал головой. – Кромка не единогласна. Решение отложено.

– На сколько?

– На тридцать два дня. – Это сказала Иллия. – Стандартный срок для повторного голосования.

Тридцать два дня. Месяц с небольшим. Чтобы принять решение, которое определит судьбу триллионов.

Или – чтобы найти другой выход.

– Хорошо, – сказала Нира. – Тридцать два дня. Я дам ответ.

– И что ты будешь делать эти дни? – спросил Элдрик.

– Думать.

– Просто думать?

Нира посмотрела на него. Потом – на Веклана. Потом – на остальных.

– Да, – сказала она. – Просто думать.

Это была ложь. Она знала это. Они, вероятно, тоже знали.

Но никто не сказал ни слова.

Нира вышла из Зала Кромки и почувствовала, как ноги подгибаются. Стена оказалась рядом – холодная, текучая поверхность Цитадели. Она прислонилась к ней, закрыла глаза.

Дыхание. Вдох. Выдох. Вдох.

Каскад. Двадцать семь Ткачей. Матрица новой реальности.

Она – в центре. Сердце галактики. Навсегда.

Это не было смертью – Веклан прав. Но это было... чем? Трансформацией? Вознесением? Жертвой?

Или просто – концом Ниры Кессель как отдельной личности?

Она вспомнила Каю. Океан слившихся сознаний. «Книга, которую дочитали до конца».

Это было – там. Миллиарды существ, ставших одним. Полных, законченных, мёртвых.

Веклан хотел сделать с ней то же самое. Не объединить с другими – но растворить в ткани реальности. Превратить в функцию. В инструмент.

«Ты – шанс».

Чей шанс? Для кого?

Нира открыла глаза. Коридор Цитадели был пуст – час поздний, большинство Ткачей спали или медитировали.

Она оттолкнулась от стены и пошла. Не в свой модуль – куда-то. Куда угодно. Движение помогало думать.

Коридоры сменяли друг друга. Знакомые повороты, знакомые двери. Восемь лет она ходила по этим путям, думая, что знает своё место. Думая, что понимает, кто она.

Ткачиха. Ученица Веклана. Аномалия.

Инструмент.

Она остановилась у панорамного окна. Звёзды – те же, что всегда. Но теперь они казались другими. Не точки света – приговор. Триллионы жизней, которые Нира должна была спасти ценой себя.

Или не должна?

«Мне нужно время», – сказала она Кромке. Но времени не было. Тридцать два дня – ничто. Миг.

Что она могла сделать за миг?

– *Нира?*

Голос – знакомый, детский – прозвучал на краю сознания. Кая. Она слышала, даже когда Нира не пыталась установить контакт.

– *Ты в беде*, – сказала Кая. Не вопрос – констатация.

– Да, – ответила Нира беззвучно. – Кажется, да.

– *Расскажи.*

И Нира рассказала. Мысленно, образами больше, чем словами. Совет Кромки. Голосование. План Веклана. Каскад. Матрица.

Кая слушала – молча, внимательно.

– *Он хочет сделать тебя как нас*, – сказала она наконец.

– Что?

– *Слить с целым. Растворить. Только не в сознаниях – в связях. Но результат тот же. Ты перестанешь быть собой.*

Нира закрыла глаза. Подтверждение того, что она и так знала. Но услышать от Каи – существа, которое *было* там – это было... весомее.

– Что мне делать?

Молчание. Долгое, тяжёлое.

– *Не знаю*, – ответила Кая. – *Мы... я... не умею решать за других. Только смотреть.*

– Но ты хочешь, чтобы я осталась отдельной?

– Да, – сказала Кая, и в её голосе была та странная тоска. – *Хочу. Потому что если ты станешь как мы – я потеряю последнее, на что могу смотреть.*

– Это эгоистично.

– Да, – согласилась Кая. – *Наверное. Но это всё, что у меня есть.*

Нира улыбнулась – грустно, криво.

– Спасибо за честность.

– *Честность – это всё, что я умею.*

Контакт ослаб – Кая отступила на край, давая Нире пространство. Но присутствие осталось – далёкое, тёплое.

Она была не одна. Это помогало.

Но это не решало проблему.

Нира вернулась в свой модуль к рассвету – если можно называть рассветом момент, когда лампы Цитадели автоматически переключались на дневной режим.

Она не спала всю ночь. Ходила, думала, разговаривала с Каей, снова ходила. Тело было измотано, разум – на грани.

Но решение – оформилось.

Она не могла оставаться в Цитадели. Не могла ждать тридцать два дня, пока Кромка решит её судьбу. Не могла позволить Веклану превратить её в матрицу.

Ей нужно было бежать.

Мысль была пугающей – и освобождающей одновременно. Восемь лет она подчинялась: сначала – родителям, потом – Ордену, потом – Веклану. Делала, что говорили. Шла, куда указывали.

Больше – нет.

Но куда бежать? Орден был везде. Связные Станции контролировали перемещения между системами. Одинокая Ткачиха – даже аномальная – не продержится долго.

Ей нужна была помощь. Информация. Союзники.

Нира открыла планшет. Пальцы дрожали, когда она набирала запрос.

«Сеть Утраченных».

Результаты появились мгновенно. Неофициальная организация. Семьи, потерявшие детей в Орден. Поддержка, информация, иногда – помощь в побегах.

Нира читала. Контакты были зашифрованы, но не для Ткача – она видела паттерны, скрытые в коде.

Хель-9. Периферийная система на границе Среднего пояса. Там был узел Сети – крупный, активный.

И там была Лианн.

Нира замерла. Она не проверяла местоположение подруги годами – боялась узнать, боялась не узнать. Но сейчас...

Быстрый поиск. Координаторы станций, публичные реестры.

Лианн Вессер. Координатор жилищного сектора. Хель-9.

Она была там. Всё это время – на периферии, в системе, которая могла отвалиться в любой момент.

Нира закрыла планшет. Руки дрожали сильнее.

Хель-9. Лианн. Сеть Утраченных.

Это был план. Не идеальный, не безопасный – но план.

Оставалось только выбраться из Цитадели.

Она нашла его в учебном зале – молодого Ткача, которого помнила по общим тренировкам. Маркус. Двадцать шесть лет, Узловой третьего года. Слабее, чем она, но преданный. Искренний.

И – критически важно – недовольный.

Нира слышала его разговоры с другими младшими Ткачами. Шёпот о несправедливости, о секретах Кромки, о том, что Орден потерял путь. Обычная фронда, которую старшие игнорировали.

Но сейчас эта фронда могла пригодиться.

– Маркус, – окликнула она.

Он обернулся. Светлые волосы, открытое лицо, глаза, в которых ещё не было пустоты долгого служения.

– Нира? – Он выглядел удивлённым. – Ты редко спускаешься сюда.

– Нужно поговорить. – Она огляделась. – Наедине.

Маркус нахмурился, но кивнул. Они вышли из зала, прошли по коридору к пустому техническому отсеку.

– Что случилось? – спросил он, когда дверь закрылась.

Нира колебалась. Насколько ему можно доверять? Она не знала его хорошо – только видела на тренировках, слышала его слова.

Но выбора не было.

– Мне нужна помощь, – сказала она. – Выбраться из Цитадели. Незаметно.

Маркус смотрел на неё несколько секунд. Потом:

– Ты бежишь?

– Да.

– От чего?

– От Кромки. – Нира сделала глубокий вдох. – Они хотят... использовать меня. Для чего-то большого. Я не согласна.

– Использовать как?

Она рассказала. Не всё – не о Кае, не о той стороне. Но о Каскаде, о матрице, о плане Веклана. Маркус слушал, и его лицо менялось – от удивления к шоку, от шока к гневу.

– Они хотят превратить тебя в... в вещь, – сказал он, когда она закончила.

– Да.

– И ты хочешь сбежать.

– Да.

Маркус молчал. Думал. Нира ждала, чувствуя, как сердце колотится в груди.

– Аварийные каналы, – сказал он наконец. – Есть один – старый, почти не используемый. Выход на внешнюю орбиту, оттуда – прыжок к ближайшей Связной Станции.

– Ты сможешь?

– Да. – Он посмотрел ей в глаза. – Но не потому, что ты попросила. Потому что это *правильно*.

Нира почувствовала, как что-то отпускает внутри. Не всё – страх никуда не делся. Но часть тяжести ушла.

– Спасибо.

– Не благодари. – Маркус невесело улыбнулся. – Если нас поймают – мы оба станем Безымянными. Или хуже.

– Знаю.

– И всё равно хочешь?

– Да. – Нира выпрямилась. – Всё равно.

Маркус кивнул. В его глазах было что-то новое – уважение? Солидарность?

– Тогда слушай, – сказал он. – Вот что мы сделаем...

План был простым – и рискованным.

Маркус знал расписание патрулей, знал, когда аварийный канал будет без присмотра. Узкое окно – двадцать минут, не больше.

– Завтра, – сказал он. – В три часа ночи по станционному времени. Будь у шлюза четырнадцать.

– Буду.

Они разошлись. Нира вернулась в свой модуль, стараясь не привлекать внимания. Обычная походка, обычное выражение лица. Ничего подозрительного.

Но внутри – буря.

Она собиралась бежать. От Ордена, от Кромки, от Веклана. От всего, что знала последние восемь лет.

К чему? Она не знала. К Лианн – может быть. К Сети Утраченных – возможно. К ответам – если повезёт.

Или к смерти. Тоже вариант.

Нира легла на койку, но не закрыла глаза. Потолок был серым, обычным. Скоро она его больше не увидит.

– *Ты уходишь*, – сказала Кая на краю сознания.

– Да.

– *Это опасно.*

– Знаю.

– *Но ты всё равно уходишь.*

– Да.

Молчание. Потом – что-то похожее на одобрение. Не слова – чувство.

– *Хорошо*, – сказала Кая. – *Я буду смотреть. Как всегда.*

Нира улыбнулась в темноту.

– Спасибо.

– *За что?*

– За то, что ты есть.

Ответа не было – только тепло. Далёкое, странное, но настоящее.

Нира закрыла глаза.

Завтра всё изменится.

К лучшему или к худшему – она узнает.

Глава 5: Побег

Два часа сорок семь минут. Тринадцать минут до окна.

Нира лежала на койке с открытыми глазами, глядя в потолок. Сон не шёл – она и не пыталась. Тело было напряжено, как пружина; каждый звук из коридора заставлял вздрагивать.

Она уже собрала всё, что могла взять: планшет, сменную одежду, аварийный паёк на три дня, медицинский набор. Минимум. Всё умещалось в небольшой сумке, которая сейчас лежала у двери.

Восемь лет жизни – и всё, что она могла унести, помещалось в одну сумку.

– *Ты не спишь*, – сказала Кая на краю сознания.

– Не могу.

– *Страшно?*

– Да.

Честность. С Каей не было смысла притворяться – она видела слишком глубоко.

– *Это хорошо*, – сказала Кая. – *Страх означает, что тебе есть что терять. Те, кто не боится, – уже потеряли всё.*

Нира улыбнулась в темноту. Странное утешение от существа, которое было частью океана слившихся сознаний. Но утешение – всё равно.

Два часа пятьдесят две минуты. Восемь минут.

Она села на койке. Потом встала. Прошла по каюте – три шага в одну сторону, три в другую. Тесно. Всегда было тесно.

Скоро – если всё получится – она окажется на станции, где никогда не была. Среди людей, которых не знает. Без защиты Ордена, без статуса Ткачихи.

Свободной.

Или мёртвой. Тоже вариант.

Два часа пятьдесят шесть минут. Четыре минуты.

Нира взяла сумку. Проверила содержимое в последний раз – всё на месте. Подошла к двери.

И замерла.

За дверью – коридор. За коридором – Цитадель. За Цитаделью – галактика, которая умирает.

Она могла остаться. Принять план Веклана. Стать матрицей, спасти триллионы, потерять себя.

Или – не остаться. Бежать. Искать другой путь, который, может быть, не существовал.

Выбор.

Впервые за восемь лет – настоящий выбор.

Нира открыла дверь.

Коридоры Цитадели в три часа ночи были пусты – почти. Патрули ходили по расписанию, которое Маркус знал наизусть. Двухминутное окно между сменами охраны у шлюза четырнадцать.

Нира шла быстро, но не бежала. Бегущий человек привлекает внимание. Идущий с целью – нет.

Стены текли вокруг неё – знакомые, ставшие чужими. Восемь лет она ходила этими путями, думая, что это её дом. Теперь понимала: это была клетка. Красивая, комфортная, но клетка.

Поворот. Ещё один. Лестница вниз – к техническим уровням, где располагались аварийные системы.

Маркус ждал у шлюза – тень в полутьме, едва различимая. Он заметил её раньше, чем она его, – кивнул, указал на боковой проход.

– Сюда, – прошептал он. – Быстро.

Они скользнули в узкий коридор, ведущий к стыковочным узлам. Здесь было холоднее – близость к внешней обшивке. Нира чувствовала это не только кожей, но и глубже: нити запутанности истончались у границы станции, реальность становилась... хрупче.

– Ещё двести метров, – сказал Маркус. Голос тихий, напряжённый. – Потом – шлюз. Челнок уже там.

– Откуда челнок?

– Резервный. Для эвакуации Кромки в случае катастрофы. – Он криво улыбнулся. – Они не заметят пропажи. Надеюсь.

Нира не стала спрашивать, что будет, если заметят. Оба знали ответ.

Они шли молча – шаги гасли в пористом покрытии пола. Где-то далеко гудела вентиляция. Обычные звуки. Обычная ночь.

Кроме того, что Нира бежала от всего, что знала.

– Почему ты помогаешь мне? – спросила она, не оборачиваясь.

Маркус помолчал.

– Потому что Орден стал тем, с чем должен был бороться.

– То есть?

– Они контролируют. Решают, кому жить, кому умирать, кому становиться инструментом. – Его голос стал жёстче. – Моя сестра была Ткачихой. Пять лет назад её отправили на миссию, с которой она не вернулась. Сказали – погибла героем. Но я видел отчёты. Её использовали. Как расходный материал.

Нира обернулась. В полутьме лицо Маркуса было бледным, напряжённым.

– Мне жаль.

– Не надо. – Он покачал головой. – Просто... когда я услышал, что они хотят сделать с тобой, – я понял. Это повторяется. Снова и снова. И если я могу что-то изменить...

Он не договорил. Не нужно было.

– Спасибо, – сказала Нира.

– Не благодари. Ещё ничего не закончилось.

Они продолжили путь.

Шлюз четырнадцать оказался маленьким – аварийный выход, не предназначенный для регулярного использования. Панель управления мигала тусклым зелёным светом. За толстым стеклом виднелся силуэт челнока – компактного, без опознавательных знаков.

Маркус подошёл к панели, ввёл код. Дверь шлюза начала открываться – медленно, бесшумно.

– У тебя есть минута, – сказал он. – Потом система зафиксирует аномалию.

Нира шагнула к шлюзу.

И остановилась.

– Маркус.

– Да?

– Что будет с тобой? Когда они узнают?

Он пожал плечами. Жест был слишком небрежным, чтобы быть искренним.

– Я скажу, что ты меня вынудила. Контроль разума или что-то такое. – Он улыбнулся. – Не волнуйся. Я умею врать.

– Они не поверят.

– Может быть. – Маркус посмотрел ей в глаза. – Но это мой выбор. Как у тебя – твой.

Нира хотела возразить. Хотела сказать, что не стоит рисковать ради неё, что она не заслуживает такой жертвы. Но слова застряли в горле.

Вместо этого она шагнула к нему и коротко обняла.

– Спасибо, – повторила она. – За всё.

Маркус замер – не ожидал. Потом неловко похлопал её по спине.

– Иди, – сказал он. – Время.

Нира отступила. Развернулась. Вошла в шлюз.

Дверь за ней закрылась с тихим шипением.

Челнок был маленьким – два кресла, панель управления, минимум жизнеобеспечения. Нира села в пилотское кресло, пристегнулась. Руки двигались на автомате – базовый курс управления малыми судами был частью обучения.

Системы ожили: зелёные огни, гудение двигателей, мерцание экранов.

Внешний шлюз открылся. Перед ней – чернота космоса, усеянная звёздами. Далёкое солнце Цитадели – тусклая точка в углу обзора.

Нира положила руки на штурвал.

Последний момент. Последний шанс передумать.

Она толкнула рычаг вперёд.

Челнок скользнул в пустоту.

Первые минуты были самыми опасными. Системы слежения Цитадели могли засечь несанкционированный старт, поднять тревогу, выслать перехватчики.

Нира вжалась в кресло, глядя на экраны. Радар показывал пустоту – никаких преследователей. Пока.

Она задала курс: точка перехода в ближайший канал, оттуда – к Связной Станции на границе Среднего пояса. Маршрут был кружным, неоптимальным, но так сложнее отследить.

Хель-9. Периферия. Лианн.

Двенадцать часов полёта до точки перехода. Потом – прыжок. Потом – ещё восемь часов.

Двадцать часов – и она будет в другом мире.

Если доберётся.

Челнок набирал скорость. Цитадель уменьшалась за кормой – сначала станция, потом точка, потом ничто. Нира смотрела, как исчезает её прошлое.

Восемь лет. Половина сознательной жизни. Люди, которых она знала. Рутин, ставшая привычной. Даже Веклан – наставник, который оказался тюремщиком.

Всё это осталось позади.

Впереди – неизвестность.

– Ты ушла, – сказала Кая на краю сознания. Голос звучал удивлённо. Почти восхищённо.

– Да.

– Это было смело.

– Это было глупо. – Нира позволила себе слабую улыбку. – Но необходимо.

– Почему?

Нира задумалась. Почему? Потому что не хотела умирать? Потому что не хотела становиться инструментом? Потому что...

– Потому что я хочу выбирать сама, – сказала она наконец. – Не Веклан, не Кромка, не кто-то ещё. Я.

– Даже если выбор окажется неправильным?

– Даже тогда.

Молчание. Потом – что-то похожее на согласие. Не слова – чувство.

– *Хорошо*, – сказала Кая. – *Это... это важно. Выбирать самому. Мы забыли, что это такое. Но ты – помнишь.*

Нира откинулась в кресле. Звёзды за иллюминатором были теми же, что вчера, позавчера, всегда. Но теперь она видела их иначе. Не потолок клетки – окно в бесконечность.

Она сделала первый шаг.

Шесть часов полёта.

Нира дремала урывками – неглубокий сон, полный тревожных образов. Просыпалась, проверяла приборы, снова закрывала глаза.

Преследователей не было. Пока.

Маркус сдержал слово – или Орден ещё не обнаружил пропажу. Оба варианта были возможны.

Она думала о нём. О молодом Ткаче, который рискнул всем ради незнакомки. Его сестра погибла – использованная как инструмент. Теперь он помогал другой избежать той же участи.

Что с ним будет, когда правда выйдет наружу?

Нира знала ответ. Знала – и ненавидела себя за то, что приняла его помощь.

Но что она могла сделать? Отказаться? Остаться в Цитадели, ждать, пока Кромка проголосует за её «использование»?

Нет. Маркус сделал свой выбор. Как она – свой.

Семь часов полёта.

Радар показал первую аномалию: слабый сигнал на границе диапазона. Другой корабль? Патруль?

Нира напряглась. Пальцы легли на штурвал.

Сигнал исчез. Ложная тревога – или помехи от далёкой звезды.

Она выдохнула. Сердце всё ещё колотилось.

Восемь часов полёта.

Точка перехода приближалась – яркая отметка на навигационном экране. Стабильный канал, ведущий к внешним системам. Один из тысяч, пронизывающих галактику.

Нира проверила координаты выхода: Связная Станция «Узел-74», на границе Среднего пояса и периферии. Оттуда – ещё один прыжок к Хель-9.

Если всё пойдёт по плану.

Если.

Переход был... странным.

Нира проходила через каналы раньше – десятки раз, на миссиях Ордена. Но это было другое. Тогда она была пассажиром, теперь – пилотом. Тогда – частью системы, теперь – беглецом.

Разница ощущалась физически.

Канал открылся перед челноком – не дыра в пространстве, а скорее складка. Место, где расстояния сжимались, где «здесь» и «там» становились одним. Червоточина, стабилизированная сетью Связных Станций.

Челнок вошёл в складку.

Мир вывернулся.

Нира почувствовала это всем телом: дезориентацию, лёгкую тошноту, ощущение падения во все стороны одновременно. Нормальные эффекты перехода, но сейчас – интенсивнее. Или это её нервы?

Звёзды за иллюминатором смазались в полосы. Потом исчезли. Потом – вернулись, но другие. Другие созвездия, другое солнце.

Переход занял секунды – и вечность.

Челнок вынырнул в обычное пространство. Нира хватала ртом воздух, хотя не задыхалась.

– Порядок, – сказала она вслух. Голос дрожал. – Всё в порядке.

На экране – Узел-74. Станция-перевалка, крошечная по меркам Цитадели. Десятки кораблей на орбите: грузовые, пассажирские, несколько военных.

Нира ввела запрос на стыковку. Стандартная процедура, никаких подозрений.

Ответ пришёл через минуту: разрешение на стыковку, док семнадцать.

Она направила челнок к станции. Руки всё ещё дрожали.

Первый этап позади. Осталось – добраться до Хель-9.

Узел-74 был... обычным.

После Цитадели – слишком обычным. Серые коридоры, тусклое освещение, запах переработанного воздуха. Люди – техники, торговцы, путешественники – сновали по своим делам, не обращая внимания на одинокую женщину с небольшой сумкой.

Нира чувствовала себя голой. Без плаща Ордена, без статуса Ткачихи, без защиты. Просто человек среди миллионов других.

Это было... освобождающе. И страшно.

Она нашла терминал бронирования и купила билет на транспорт до Хель-9. Дорого – её скромных сбережений едва хватило. Но выбора не было.

Рейс отправлялся через три часа. Три часа ожидания.

Нира нашла тихий угол в зоне отдыха, села на жёсткую скамью. Вокруг – незнакомые лица, незнакомые голоса. Она слушала обрывки разговоров, впитывала атмосферу.

– ...слышал про Кестер-4? Говорят, отваливается...

– ...цены на запутанность выросли опять. Скоро дышать будем по карточкам...

– ...моя дочь на периферии. Боюсь за неё. Что если...

Прорехи. Отвалы. Страх – повсюду, под поверхностью обычной жизни. Люди знали, что мир рушится. Знали – и продолжали жить, потому что что ещё оставалось?

Нира закрыла глаза. Усталость накатывала волнами – физическая и эмоциональная. Слишком много произошло за последние дни. Слишком много.

– *Ты устала*, – сказала Кая.

– Да.

– *Отдохни. Я посмотрю.*

Странное предложение от существа без глаз. Но Нира приняла его. Позволила себе соскользнуть в дремоту, зная, что где-то на краю сознания – Кая. Смотрит. Ждёт.

Охраняет.

Она проснулась от объявления: «Рейс до Хель-9, посадка начинается. Док двадцать три».

Нира вскочила, схватила сумку. Три часа пролетели как минуты.

Транспорт оказался большим – грузопассажирское судно, рассчитанное на сотню человек и несколько тонн груза. Нира нашла своё место – узкое кресло в общем отсеке – и села.

Вокруг – другие пассажиры. Рабочие, возвращающиеся на периферию. Семьи с детьми. Несколько человек в форме – техники Связных Станций?

Никто не смотрел на неё. Никто не подозревал.

Нира была просто пассажиркой. Одной из многих.

Это было хорошо.

Транспорт отстыковался, начал разгон. Хель-9 – восемь часов полёта с одним переходом через локальный канал.

Нира откинулась в кресле. Смотрела в потолок, не видя его.

Лианн. Через несколько часов она увидит Лианн.

Восемь лет. Восемь лет писем, которые становились всё короче. Восемь лет молчания о главном. Восемь лет – и теперь...

Что она скажет? «Привет, я сбежала от Ордена, можешь спрятать меня?» Звучало нелепо. Звучало – как мольба о помощи.

Может, потому что это и было мольбой о помощи.

Нира закрыла глаза. Сон не шёл, но она притворялась – чтобы никто не заговаривал.

Переход через локальный канал был легче – короче, менее дезориентирующий. Нира почти не почувствовала его.

А потом – Хель-9.

Станция появилась в иллюминаторах как россыпь огней на фоне далёких звёзд. Не одна станция – целая система: жилые модули, промышленные секторы, доки, орбитальные фермы. Всё соединено переходами и транспортными линиями, вращающееся вокруг общего центра масс.

Периферия. Граница обитаемого пространства.

И – Нира почувствовала это сразу – что-то было не так.

Она присмотрелась. Часть огней мигала красным – аварийная сигнализация? Несколько секторов выглядели тёмными, отключёнными. На орбите – скопление кораблей, больше, чем обычно для станции такого размера.

– ...рябь усилилась вчера, – говорил кто-то позади неё. – Третий сектор закрыли на карантин.

– Думаешь, отвалимся?

– Не знаю. Но если протоколы продолжают ужесточаться...

Нира обернулась. Двое рабочих – мужчина и женщина в промасленных комбинезонах – переговаривались вполголоса.

– Простите, – вмешалась она. – Что происходит?

Они посмотрели на неё – с подозрением, потом с усталым пониманием.

– Вы издалека? – спросила женщина.

– Из Ядра.

– Тогда не удивительно, что не знаете. – Женщина вздохнула. – Прореха. Рядом с системой. Уже месяц растёт. Пока держим, но... – Она пожала плечами. – Периферия.

Одно слово – и столько смысла. Периферия: место, которое Ядро использовало и забывало. Место, которое могло отвалиться в любой момент.

– Сочувствую, – сказала Нира.

– Не надо. – Мужчина криво улыбнулся. – Лучше помолитесь, чтобы Ткачи пришли вовремя.

Ткачи. Нира почувствовала укол вины. Она была Ткачихой – и сбежала. Оставила этих людей без защиты.

Но что она могла сделать? Остаться в Цитадели, стать матрицей, потерять себя?

Нет. Должен быть другой путь. Должен.

Транспорт начал стыковку.

Хель-9 встретила её запахом машинного масла и тревоги.

Нира вышла из дока в главный коридор станции и сразу почувствовала разницу. Это не была Цитадель с её текучими стенами и концентрированной запутанностью. Это была обычная станция – металл, пластик, бетон. Функциональная, утилитарная, лишённая красоты.

И переполненная.

Люди были везде – в коридорах, в отсеках, на переходах. Слишком много для станции такого размера. Нира видела семьи с детьми, сидящие на полу. Очереди у терминалов распределения. Лица – усталые, испуганные, отчаявшиеся.

Беженцы.

Она поняла это не сразу. Потом – поняла. Эти люди бежали откуда-то. С других станций? Из систем, которые уже отваливались?

Периферия сжималась. Прорехи множились. И те, кто мог, – бежали к центру.

Нира пробиралась сквозь толпу, прижимая сумку к груди. Взгляды скользили по ней – безразличные, занятые своими проблемами. Она была никем здесь. Одной из тысяч.

Хорошо.

Она нашла информационный терминал, ввела запрос: Лианн Вессер, координатор жилищного сектора.

Результат появился через несколько секунд: Жилой сектор 7, блок 23, модуль 156.

Нира посмотрела на карту станции. Жилой сектор 7 – на другом конце комплекса. Час ходьбы, если идти пешком. Или – пятнадцать минут на внутреннем транспорте.

Транспорт был переполнен. Нира решила идти.

Станция разворачивалась перед ней – коридор за коридором, сектор за сектором. Нира шла и смотрела, впитывая детали.

Здесь было... иначе.

В Цитадели жизнь была упорядоченной, регламентированной. Ткачи следовали расписанию, выполняли миссии, медитировали. Всё – по правилам.

Здесь правила были, но они трещали по швам. Люди импровизировали, приспособливались, выживали. Нира видела самодельные перегородки в коридорах – временные жилища для тех, кому не хватило места в модулях. Видела детей, играющих среди труб и кабелей. Видела стариков, сидящих у стен с пустыми глазами.

И видела – страх. Тот же страх, что слышала в разговорах на транспорте. Рябь. Прореха. Отвал.

Они жили на краю пропасти и знали это.

Нира прошла мимо информационного экрана. Новости: «Прореха в секторе Каппа-7 стабилизирована. Ткачи Ордена завершили операцию. Жертв нет».

Ткачи Ордена. Её бывшие коллеги. Может быть – те, кого она знала.

Она продолжила путь.

Жилой сектор 7 был относительно тихим – дальше от центральных коридоров, меньше беженцев. Но и здесь чувствовалось напряжение: закрытые двери, настороженные взгляды редких прохожих.

Нира нашла блок 23, поднялась на нужный уровень.

Модуль 156.

Она стояла перед дверью – обычной, металлической, с номером и панелью вызова. За этой дверью – Лианн. Подруга детства. Человек, которому она обещала вернуться.

Восемь лет.

Нира подняла руку к панели. Замерла.

Что она скажет? Как объяснит?

– Ты боишься, – сказала Кая.

– Да.

– Почему? Она – твой друг.

– Была. Восемь лет назад.

– Люди меняются?

– Да. – Нира опустила руку. – Люди меняются. Иногда – слишком сильно.

– *Но ты всё равно пришла.*

– Потому что больше некуда.

Честность. Жестокая, неприятная. Она пришла к Лианн не потому, что скучала – хотя скучала. Пришла, потому что больше некуда было идти.

Это было несправедливо. По отношению к Лианн, по отношению к их дружбе.

Но что ещё она могла сделать?

Нира снова подняла руку. Коснулась панели вызова.

Сигнал. Тишина. Ещё сигнал.

Шаги за дверью. Щелчок замка.

Дверь открылась.

И там была – Лианн.

Восемь лет – и она изменилась. Те же тёмные волосы, но короче. То же лицо, но жёстче, острее – жизнь на периферии оставила следы. Глаза – усталые, настороженные.

А потом – узнавание.

– Нира?

Голос – тот же. Тот самый голос, который Нира помнила из детства. С обзорного купола Каллисто-7, где они смотрели на Юпитер.

– Привет, – сказала Нира. Голос дрогнул. – Я... я вернулась.

Лианн смотрела на неё. Секунду. Две. Три.

Потом шагнула вперёд и обняла.

Глава 6: Лианн

Объятие длилось вечность.

Или несколько секунд – Нира не могла сказать. Время потеряло значение. Были только руки Лианн, её запах – что-то цветочное, смешанное с машинным маслом станции, – и тепло живого человека. Знакомое тепло, которого Нира не чувствовала восемь лет.

Потом Лианн отстранилась. Держала Ниру за плечи, смотрела на неё – глаза влажные, но взгляд острый, изучающий.

– Ты настоящая, – сказала она. Не вопрос – констатация. Проверка.

– Настоящая.

– Боже. – Лианн моргнула, и слёзы наконец покатались по щекам. – Боже, Нира. Восемь лет.

– Знаю.

– Восемь чёртовых лет. – Голос дрогнул, но не сломался. Лианн всегда была сильнее, чем выглядела. – Ни одного визита. Только письма. Которые становились всё короче и короче, пока...

Она замолчала. Нира знала, что дальше: пока не стали формальностью. Пустыми словами, которые ничего не значили.

– Мне жаль, – сказала Нира. – Я...

– Не здесь. – Лианн вытерла глаза тыльной стороной ладони. Резкий, практичный жест. – Заходи. Не стоять же в коридоре.

Она отступила, освобождая проход. Нира вошла.

Модуль был маленьким – меньше её каюты в Цитадели. Одна комната, служившая одновременно спальней, гостиной и кухней. Санузел за перегородкой. Окно – настоящее окно, не иллюминатор – выходило на внутренний двор станции, где тусклые лампы имитировали дневной свет.

Но это было... живое. Не стерильное пространство Ордена – а дом. На стенах – фотографии: Лианн с людьми, которых Нира не знала. На полке – книги, настоящие бумажные книги. На столе – чашка с недопитым чаем и планшет с открытым документом.

И – Нира заметила это сразу – в углу, на небольшом столике: старая голограмма. Две девочки, шестнадцать лет, обзорный купол Каллисто-7. За их спинами – Юпитер, занимающий полнеба.

Они с Лианн. До всего.

– Садись. – Лианн указала на кровать – единственное место для сидения кроме рабочего стула. – Чай? У меня есть настоящий, не синтетика.

– Да. Спасибо.

Нира села на край кровати. Руки лежали на коленях, пальцы переплетены. Она не знала, что делать с телом – куда его деть в этом маленьком пространстве, где всё было чужим и одновременно болезненно знакомым.

Лианн возилась с чайником – примитивным, механическим, требующим ручного нагрева. На Цитадели всё было автоматизировано. Здесь – нет.

– Ты одна? – спросила Нира.

– Что?

– Живёшь одна?

Лианн обернулась. На секунду в её глазах мелькнуло что-то – боль? обида? – но исчезло так же быстро.

– Сейчас – да. – Она вернулась к чайнику. – Был кто-то. Два года назад. Не сложилось.

– Мне жаль.

– Не надо. – Лианн пожала плечами. – Он хотел уехать в Ядро. Я не хотела бросать станцию. Разные приоритеты.

Она говорила это легко, будто о погоде. Но Нира слышала – или думала, что слышала – напряжение под словами. Раны, которые не зажили до конца.

Чайник зашипел. Лианн разлила чай по двум чашкам – разным, непарным, явно собранным отовсюду. Протянула одну Нире.

– Спасибо.

Нира обхватила чашку ладонями. Тепло проникало в пальцы, согревало. Чай пах травами – настоящими травами, выращенными где-то на орбитальных фермах.

Лианн села на стул напротив. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга.

– Итак, – сказала Лианн. – Рассказывай.

– Что именно?

– Всё. – Её глаза сузились. – Почему ты здесь. Почему сейчас. Что случилось.

Нира отпила чай. Обжигающий, горьковатый. Хороший.

– Это долгая история.

– У меня есть время.

Нира посмотрела на неё. Лианн сидела ровно, руки на коленях, взгляд прямой. Она ждала. Требовала. Заслуживала правды.

– Я сбежала, – сказала Нира. – Из Ордена.

Лианн не удивилась. Или скрыла удивление.

– Почему?

– Потому что они хотели... – Нира запнулась. Как объяснить? Каскад, матрица, Оракул – слова, которые ничего не значили для человека извне. – Они хотели меня использовать. Превратить в инструмент.

– Разве не это Орден делает со всеми Ткачами?

Горечь в голосе. Нира вздрогнула.

– Да. Но это было... другое. Хуже.

– Хуже, чем забрать шестнадцатилетнюю девочку от семьи? Хуже, чем заставить её работать до выгорания? Хуже, чем превратить её в машину для латания дыр?

Слова падали как удары. Нира не защищалась – не могла. Не имела права.

– Да, – сказала она тихо. – Хуже.

Лианн замолчала. Смотрела на неё – долго, оценивающе.

– Расскажи, – сказала она наконец. – Всё. С начала.

И Нира рассказала.

Она говорила долго – час, может, два. Рассказала о Кромке, о голосовании, о плане Веклана. О Каскаде и матрице. О том, что они хотели сделать с ней – превратить в сердце новой реальности, растворить в ткани галактики.

Рассказала о Кае. О голосе с той стороны, о схлопнувшейся вселенной, о миллиардах сознаний, ставших одним. О том, что её сила – оттуда, из бесконечного океана запутанности.

Рассказала о страхе. О потерянных воспоминаниях. О чувстве, что она теряет себя по капле с каждым актом ткачества.

Лианн слушала молча. Не перебивала, не задавала вопросов. Только иногда кивала – показывая, что слышит.

Когда Нира закончила, в комнате было тихо. Чай давно остыл.

– Значит, – сказала Лианн медленно, – ты не просто Ткачиха. Ты... что-то большее.

– Или меньше. Зависит от того, как смотреть.

– И этот Веклан... он хочет тебя использовать, чтобы спасти галактику?

– Да.

– А ты не хочешь?

Вопрос был простым. И сложным одновременно.

– Я не хочу умирать, – сказала Нира. – Не хочу терять себя. Не хочу стать... функцией. – Она помолчала. – Но я также не хочу, чтобы галактика погибла. Если его план сработает...

– То ты исчезнешь, а триллионы выживут.

– Да.

Лианн встала. Прошла по комнате – три шага в одну сторону, три в другую. Нира следила за ней взглядом.

– Ты всегда была такой, – сказала Лианн.

– Какой?

– Жертвенной. – Она остановилась у окна, глядя на тусклый свет внутреннего двора. – Помнишь, когда нам было четырнадцать? Авария в секторе три. Ты побежала помогать, хотя тебе было велено оставаться.

– Я помню.

– Ты едва не погибла. – Лианн обернулась. – И ни секунды не сомневалась.

– Там были люди.

– Да. И ты решила, что их жизни важнее твоей. – Она покачала головой. – Теперь – то же самое. Только масштаб больше.

Нира молчала. Не знала, что ответить.

– Но знаешь, что? – продолжила Лианн. – Ты права.

– Права?

– Права, что сбежала. – Она вернулась к стулу, села. – Никто не имеет права решать за тебя. Даже если на кону – галактика.

– Веклан сказал бы, что это эгоизм.

– Веклан пусть сам становится матрицей. – Голос Лианн стал жёстче. – Легко жертвовать чужими жизнями.

Нира почувствовала, как что-то отпускает внутри. Не всё – страх никуда не делся. Но часть тяжести ушла. Кто-то понял. Кто-то – на её стороне.

– Спасибо, – сказала она.

– За что?

– За то, что не осуждаешь.

Лианн фыркнула.

– Я осуждаю тебя за кучу вещей. За то, что не писала. За то, что не приезжала. За то, что позволила мне думать, что ты забыла обо мне. – Она помолчала. – Но не за это. Не за желание жить.

Тишина. Долгая, но не тяжёлая.

Нира смотрела на Лианн – на эту женщину, которая когда-то была девочкой, смотревшей на Юпитер. Восемь лет изменили её. Сделали жёстче, острее. Но где-то внутри – Нира видела – осталась та же Лианн. Та, что мечтала о звёздах.

– Расскажи мне, – сказала Нира. – Что было с тобой. Все эти годы.

Лианн пожала плечами.

– Ничего особенного. Обычная жизнь.

– Лианн.

– Что? – Она подняла бровь. – Ты хочешь слышать, как я работала координатором? Как распределяла жилые модули? Как заполняла формы и ходила на собрания?

– Да. Хочу.

Лианн смотрела на неё несколько секунд. Потом – улыбнулась. Первая настоящая улыбка за весь вечер.

– Ладно. – Она откинулась на стуле. – После того, как тебя забрали, я... Было плохо. Долго.

– Мне жаль.

– Не перебивай. – Но голос был мягким. – Я злилась на тебя. На Орден. На весь мир. Не понимала, почему именно ты. Почему не я. Почему...

Она замолчала. Нира ждала.

– Потом я поняла, – продолжила Лианн. – Что злиться – бессмысленно. Что ты не выбирала это. Что ты – такая же жертва, как я.

– Я не жертва.

– Ты – жертва, – сказала Лианн твёрдо. – Тебя забрали в шестнадцать. Заставили делать то, чего ты не просила. Заставили терять себя по кусочкам. Это не героизм, Нира. Это насилие.

Слова ударили глубоко. Нира хотела возразить – привычка защищать Орден, вбитая за восемь лет. Но не смогла. Потому что Лианн была права.

– После Каллисто я уехала, – продолжила Лианн. – Хотела начать заново. Где-нибудь, где никто меня не знает. Где не будут смотреть с жалостью – «это та девочка, чья подруга стала Ткачихой».

– Ты уехала из-за меня?

– Из-за себя. – Лианн покачала головой. – Мне нужно было найти собственную жизнь. Не в твоей тени. Не в тени того, что случилось.

– И нашла?

– Что-то вроде. – Она обвела рукой комнату. – Это – моё. Работа, которую я выбрала. Люди, с которыми я работаю. Место, где я живу. Маленькое, да. Не Цитадель. Но – моё.

Нира смотрела на неё с новым уважением. Лианн не была Ткачихой, не имела дара, не могла видеть нити реальности. И всё равно – выстроила жизнь. Нашла смысл. Без помощи, без магии, без ничего.

– Ты сильная, – сказала Нира.

– Я выживаю. – Лианн пожала плечами. – Как все здесь. На периферии не бывает слабых – они не доживают.

– Как это – жить здесь?

– Хочешь знать?

– Да.

Лианн помолчала. Собиралась с мыслями.

– Страшно, – сказала она наконец. – Каждый день – страшно. Рябь случается раз в неделю, иногда чаще. Датчики показывают ерунду, гравитация скачет, люди теряются во времени. А потом – всё нормально. До следующего раза.

– Прорехи?

– Рядом – да. Пока маленькие. Орден присылает Ткачей, они латают, уезжают. До следующего раза. – Лианн криво улыбнулась. – Мы – расходный материал. Буферная зона между Ядром и пустотой.

– Это несправедливо.

– Это реальность. – Голос был ровным, без горечи – просто констатация. – Ресурсы идут в Ядро. Ткачи работают в Ядре. А мы... мы просто живём. Пока можем.

Нира вспомнила беженцев в коридорах станции. Семьи с детьми, сидящие на полу. Усталые лица, потухшие глаза.

– Те люди в коридорах...

– С Кестер-4. Система начала отваливаться месяц назад. Эвакуировали, кого смогли. – Лианн вздохнула. – Триста тысяч беженцев на станцию, рассчитанную на двести тысяч. Мы справляемся. Пока.

– Триста тысяч?

– Могло быть хуже. Полтора миллиона не успели. – Лианн отвела взгляд. – Говорят, они всё ещё там. В системе, которая... не совсем здесь. Не совсем нигде. Просто – размазаны.

Нира похолодела. Элизиум-6 из рассказов Ордена. Отвалившаяся система, где восемнадцать миллионов человек существовали во всех состояниях одновременно. Ни живые, ни мёртвые.

Это происходило прямо сейчас. Не где-то далеко – рядом. На расстоянии нескольких прыжков от Хель-9.

– Почему ты осталась? – спросила Нира. – Могла уехать в Ядро. Там безопаснее.

– Могла. – Лианн кивнула. – Многие уезжают. Кто может себе позволить.

– Но ты не уехала.

– Нет.

– Почему?

Лианн молчала. Смотрела на свои руки – грубые, рабочие, с мозолями.

– Потому что кто-то должен остаться, – сказала она наконец. – Кто-то должен помогать тем, кто не может уехать. Кто-то должен... – Она запнулась. – Держать.

– Держать?

– Ткань. – Лианн подняла глаза. – Вы, Ткачи, держите её буквально. А мы – метафорически. Связи между людьми. Сообщество. Надежду. Это тоже нужно кому-то держать. Иначе – всё рассыплется ещё до того, как Прорехи сделают своё дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.